

DIGITAL BOOK

МИРЫ АРТЁМА КАМЕНИСТОГО
S-T-I-K-S

**ВАСИЛИЙ ЕВСТРАТОВ
НАФАНЯ**

ИДДК

S-T-I-K-S

Василий Евстратов

S-T-I-K-S. Нафаня

«ИДДК»

2022

Евстратов В.

S-T-I-K-S. Нафаня / В. Евстратов — «ИДДК», 2022 — (S-T-I-K-S)

Афанасий Тищенко. Нафаня. Безобидное детское прозвище ставшее его именем в страшном мире, основным населением которого являются монстры. Да такие, каких не в каждом ужастике увидишь. Нафаня, домовый из детского мультика. Так и Афанасию пришлось стать домовым, благо сверхспособности даруемые этим новым миром позволяли вольготно чувствовать себя именно в городах, скрываясь в них от упырей и не только. Для одних он был хорошим домовым, помогая при случае, для других же... Содержит нецензурную брань.

© Евстратов В., 2022

© ИДДК, 2022

Содержание

Часть 1	6
Пролог	6
Глава 1	9
Глава 2	17
Глава 3	24
Глава 4	32
Глава 5	40
Глава 6	48
Глава 7	57
Глава 8	66
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Василий Евстратов

S-T-I-K-S. Нафяня

Возрастные ограничения 18+

© Каменистый Артём (Мир S-T-I-K-S, его устройство и терминология)

© Евстратов Василий

© ИДДК

Все персонажи являются вымышленными, любое совпадение с реально живущими или жившими людьми случайно.

Часть 1

Пролог

В пока ещё безлюдное помещение вошёл ничем не примечательный мужчина, разве что дорогая одежда и некоторая холеность во внешности приковывали к нему взгляд, да и то ненадолго. Но стоило посмотреть ему в глаза, как внешность переставала играть роль. Мало нашлось бы тех, кто мог выдержать этот тяжёлый взгляд; там плескались не жестокость, хитрость или высокомерие, нет, в серых глазах сквозило безразличие. А совместно с занимаемой мужчиной высокой должностью такой взгляд вводил в трепет подчинённых именно отсутствием эмоций. И не дай им бог почувствовать за собой какую-нибудь вину: под этим взглядом у некоторых и седины заметно прибавлялось.

Мужчина осмотрел занимаемую центр комнаты вычислительную и другую многочисленную технику координационного центра. Он медленно прошёлся вдоль стены, ненадолго останавливаясь возле огромных окон: за ними находились стерильные помещения пока ещё пустующих лабораторий, в которых тускло мерцало дежурное освещение.

А, нет, уже не пустующих.

В лаборатории № 1 загорелся яркий свет, открылась даже на вид тяжёлая шлюзовая дверь, и в неё вошли трое... Двое были в чёрных, явно военных доспехах, не оставляющих открытой ни одну часть тела. Голову закрывали шлемы с тонированным забралом, не позволяя рассмотреть, кто в этих доспехах находится. В руках одетые в доспехи военные держали компактные пистолет-пулемёты, под прицелом которых и завели в лабораторию третьего – коротко стриженного, плотно сбитого мужчину лет тридцати-сорока. Из-за сильного загара возраст его было очень трудно определить. Одет этот третий был в одежду больничного типа: свободные синие штаны, белая майка и накинутая сверху на плечи синяя же курточка. Но не одежда бросалась в глаза – ошейник серебристого цвета, который неуместно смотрелся на мощной шее.

Охранники подвели человека в ошейнике к окну и замерли истуканами по бокам. С другой стороны к этому же окну подошёл первый появившийся в лаборатории мужчина, и в его глазах сквозь безразличие даже прорезалась лёгкая искра интереса. Он осмотрел загорелого с ног до головы, протянул руку к стоявшему возле окна терминалу и, нажав на одну из множества иконок, заговорил:

– Ну здравствуй, знахарь! Долго же мы тебя в гости ждали, – произнёс он, глядя своим фирменным взглядом в глаза знахарю. Но это не произвело никакого впечатления: тот, кого называли знахарем, разглядывал собеседника, не проявляя никаких эмоций и не спеша задавать вопросы. – Можешь меня профессором называть, – после небольшой паузы, кивнув каким-то своим мыслям, продолжил мужчина в костюме. – Если сработаемся, то уже ближе познакомимся, а нет, то и незачем нам имена друг друга знать.

– В гости вроде добровольно ходят, а не силком притягивают, – всё же подал голос знахарь, кивнув на стоящих истуканами охранников – оружие которых всё так же было направлено на него – и пошевелил ошейник на шее: носить такое украшение ему явно удовольствия не доставляло. – И кто сказал, что мы будем совместно работать, профессор?

– Никакого принуждения не будет. Если вы откажетесь с нами работать, то мы тотчас же вас отпустим, в этом можете даже не сомневаться. И конечно, за уже свершившееся в отношении вас насилие мы приносим свои искренние извинения. Всё дело в том, что добровольно вы бы нас не посетили, какие бы гарантии безопасности мы ни давали, вот и пришлось действовать таким вот образом. Ну и ошейник – это вынужденная мера, такие носят все посторонние на нашей базе. Это система электронного слежения... – замолчал профессор на миг, но и так

стало понятно, что система не только слежения, но и наказания. Но этого он не стал говорить. – Без него вы не смогли бы попасть к нам сюда, система безопасности подняла бы тревогу и сделала бы всё для того, чтобы уничтожить нарушителя.

Стоявший слева от знахаря охранник недовольно шевельнулся, не решаясь прерывать профессора, но давая понять, что тот увлётся и говорит уже лишнее. Впрочем, профессору и такого намёка хватило.

– Но это неважно, – оборвал он сам себя. – Как я и говорил, это всё вынужденная мера, и после нашего разговора вас или отпустят, если вы не согласитесь с нами работать, или выдадут браслет, который носят привлечённые сотрудники. Главное, вы должны понимать, что нам нужно ваше полностью добровольное сотрудничество, от него будет больше пользы, чем если вы будете работать под принуждением, – сделал он небольшую паузу, подчёркивая этим важность только что сказанного. – И теперь, раз мы со всем разобрались, вы, я надеюсь, всё же выслушаете предложение, ради которого почти месяц сюда добирались, а не будете сразу и категорически отказываться?

– Что ж, ответная вежливость требует, чтоб я хотя бы выслушал ваше предложение. Особенно интересно, зачем вам знахарь понадобился?

– Расскажу и это, – кивнул профессор и, скрестив на груди руки, начал просвещать знахаря: – Наша лаборатория занимается изучением свехспособностей, даруемых этим миром. Мы подробнейшим образом проанализировали работы наших предшественников. Прежде чем приступить к очередному этапу экспериментов, одному из моих сотрудников пришлось в голову пригласить опытного знахаря, что почему-то до сих пор не было сделано. Так вот, мы хотим совместить нашу науку и ваши знания и умения, чтоб в очередной раз попытаться выявить закономерности возникновения сверхспособностей в зависимости от среды обитания и морально-психологического состояния подопытных.

– Это очень интересно, но при чём здесь я? – ровным голосом задал вопрос знахарь, не проявляя внешне никакого интереса.

– При том, что вы специализируетесь именно на этой теме, много времени уделяете развитию этих способностей у так называемых иммунных. И, насколько мы выяснили, вы уже неоднократно делали попытки пробудить у людей определённый дар. – После этих слов профессора у знахаря нервно дёрнулась щека: в этот раз он не смог сдержать эмоций. – Это нас заинтересовало, – чуть улыбнулся профессор, заметив эту его реакцию. – И поэтому именно вас мы и пригласили, – он не обратил никакого внимания на ироничное хмыканье знахаря, – чтобы, объединив усилия, и мы, и вы получили бы возможность научиться развивать дары не случайным образом, а целенаправленно пробуждать именно те, которые потребуются.

– Эта работа не на один год, и вам потребуется огромное количество подопытных, чтобы эти закономерности выявить. Так что я...

– Ну, вам-то особо спешить некуда, – усмехнувшись, перебил знахаря профессор, одновременно не давая отказаться и намекая на его бессмертие. – Тем более что вы заблуждаетесь. Серия экспериментов рассчитана на год, и благодаря белому жемчугу – а его нашей лаборатории выделили в достаточном количестве – нам потребуется не так и много подопытных. Каждого из них мы поместим в...

После слов о белом жемчуге, да ещё и в немалом количестве, глаза у знахаря широко раскрылись от изумления, и он, пытаясь справиться с охватившим его волнением, уже не особо прислушивался, что там дальше говорит профессор.

Ну и хотя он ещё не дал своего согласия, профессор уже понял, что сотрудничеству быть. Глаза его удовлетворённо сверкнули, так как при удаче их работа открывала бы просто невероятные перспективы именно ему. Ну и знахаря он не собирался обманывать, так как рассчитывал на долговременное совместное сотрудничество.

Очень долговременное.

Этот мир – Стикс или, как его местные ещё называли, Улей, давал просто невероятные возможности. И профессор собирался взять всё, что только можно будет отсюда выжать. И не деньги, которые пытались зарабатывать здесь его предшественники. Это же надо, продавать бессмертие и невероятные умения за какие-то пошлые деньги. И ладно бы продавать своим, тем, кто имеют достаточно средств и влияния в их мире – они, во всяком случае, оплатили эти его эксперименты, так как были заинтересованы не только в бессмертии, но и во вполне определённых способностях. Но нет, здешние идиоты, мнящие себя большими шишками, недавно начали торговать белым жемчугом с местными дикарями, делая их, непримиримых врагов, ещё сильнее. Не успел он этого безобразия предотвратить, поздно здесь появился, а сейчас уже этого не остановить. Очень редкие материалы и большие средства потекли в карманы к определённым людям, которые на этом деле увеличивали своё влияние и состояние.

Глупцы!

В один прекрасный день из-за них можно было всего лишиться. И чтобы этого не произошло, требовалось как можно быстрее выдать положительный результат в исследованиях, для чего и оказался нужен знахарь. И когда этот результат будет, тогда уж он...

Глава 1

Мы сидели как раз на уроке, контрольную решали, когда за окном светопреставление началось.

– Тихо! Все отойдите от окна! Быстро! – Вера Михайловна, наша математичка, тоже не на шутку переполошилась.

Целый день была погода непонятная, туман с утра собираться стал, но, в отличие от всех предыдущих, этот днём не развеялся, а ещё больше сгустился. На перемене попытались на улицу выйти, а там мало того, что воняет химией какой-то и во рту кислый привкус, еле отплевались, – так ещё и не видно ничего, до такой степени туман стоял плотный. А теперь вот, не успел урок начаться, как за окном этот туман молния прорезала, следом – ещё одна, а потом это самое светопреставление и началось: молнии всё чаще бить стали.

Все как идиоты телефоны достали и к окнам бросились: как же, такое зрелище обязательно заснять нужно. Но Вера Михайловна, хоть и видно было по ней, что перепугалась чуть ли не до смерти, но руки к груди подняла и кулачки так сжала, что они аж побелели, но головы не теряла, за всеми успевала следить и пресекала любые попытки к окнам приблизиться.

– Степанов! Кому сказала – к окнам не подходить!

– Как думаешь, Афоня, что это за фигня? – Мой друг Жека Федоровичев (с ним мы в третьем классе как сдружились, так с тех пор за одной партой и сидим), не отрывая взгляда от экрана телефона, кивнул в сторону окон, за которыми молнии уже не прекращая сверкали одна за другой.

Хоть Михайловна и отогнала всех к стене, но сквозь недавно установленные пластиковые окна видимость была отличная. Особенно с нашего третьего этажа, где класс математики и находится.

– Я тебе что, физик? Вон у Пашковской спроси, она у нас отличница, – кивнул я в сторону не только отличницы, но и первой красавицы класса, которая круглыми глазами смотрела то в телефон – им она, как и все, снимала молнии – то в окно, будто не веря, что такое вообще возможно.

Я бы тоже сейчас снимал, если б свой смартфон не разбил на днях, упав неудачно. Теперь своим старым, ещё чудом сохранившимся первым телефоном пользуюсь. Он на удивление вот уже сколько лет нормально работает и зарядку держит, в отличие от других, более современных. Только вот камеры у него нет, можно только звонить и эсэмэски писать. Даже в интернет не выйдёшь...

– Ах!

– Ай!

– Ой!

Неожиданно лампы под потолком ярко сверкнули и погасли все разом, по классу девчачьи (да и не только девчачьи, если честно) визги пронеслись, и матерок – уж точно не только от парней, но и математичка высказалась, хотя тут же рот быстро ладошкой прикрыла и на нас косо посмотрела, не слышали ли. Но я, хоть и стоял рядом, вида не подал, да и внимания особого не обратил, полностью захваченный невиданным зрелищем. Туман как раз пронзило особенно сильным разрядом молнии – как оказалось, последним; и завесу будто разорвало, она начала быстро расплзаться.

– Вот это зрелище, – нарушил тишину Серёга Полянский. – Вера Михайловна, это что такое сейчас было?

– Не знаю, ребята, – после небольшой паузы заговорила математичка. – Я такое, как и вы, в первый раз вижу. Даже не слышала о таком никогда.

Теперь она уже не препятствовала, и мы все к окнам подошли, начали рассматривать, что там снаружи происходит. А там – ничего. Как будто и не было никаких молний. Туман быстро расплылся, и сквозь него уже даже солнце пробиваться начало.

– Ой, а связи нету, – воскликнула Ирка Власова. Она попыталась куда-то дозвониться и обнаружила, что связь на нуле.

– И у меня нет.

– И у меня.

Все кинулись телефоны проверять.

– После таких разрядов какая связь? Вы головой-то думайте. – Жека отвернулся от окна и насмешливо на всех посмотрел. – Тут, похоже, во всём городе и света не осталось, а вы – связь... Афоня, айда на улицу?

– Так, стоп! Какая улица? – окончательно пришла в себя Вера Михайловна. – Из класса не выходить! Я сейчас в учительскую, а вы ждите здесь. Полянский и Тищенко, вы старшие, проследите за порядком.

– Хорошо, Вера Михайловна, проследим.

Тищенко – это моя фамилия, зовут Афанасием в честь мамкиного отца, моего деда. Удружили с именем родители и деду – доволен был, и мне – сколько крови из-за него пролил. Какие только прозвища мне ни придумывали, но чаще всего имя и за прозвище было. За особо обидные придумки я морды бил, не стеснялся; ну и мне били, поначалу. Потом бросили это дело, особенно в последние два года, когда ярые мои недоброжелатели школу покинули и после девятого класса в бурсу учиться ушли.

Окинув нас строгим взглядом, математичка выскользнула из класса, торопливо зацокав каблучками по коридору. А в классе все сразу заговорили, гадая, что же это такое было, показывая, кто что заснял на телефон. Некоторые уже на планшет видео сбросили, как будто там можно лучше рассмотреть то, что своими глазами недавно видели.

Гадали почти час, даже в коридор выбрались и с соседними классами переговаривались, но от своего далеко не уходили. За этим мы с Полянским следили строго: знала Вера Михайловна, кого ответственными оставить. Нашего активиста – Полянского, и обычно хорошего мальчика, когда не дерётся – Тищенко. Но в основном Серёга с некоторой моей поддержкой, которой практически и не требовалось, прекрасно за нас двоих справлялся.

– Заходите... Заходите все в класс, там всё расскажу, – наконец вернулась Вера Михайловна. – Рассаживайтесь. И тихо, пожалуйста. Расскажу всё, что удалось узнать, хоть тех новостей и немного.

Мы шустро расселись по своим местам, и в классе повисла тишина: всем не терпелось узнать, что же это за природный феномен такой был, и почему математичка такая взволнованная.

– Сразу скажу, что уроки на сегодня закончены...

Пауза была лишняя: видимо, учительница думала, что все сейчас радостно зашумят, а тут – тишина, все продолжали на неё внимательно смотреть.

– Кхм. Что это было за явление, никто не знает.

– У-у-у, – прошёл по классу разочарованный гул.

– Света и связи нет, но после такого это понятно, – продолжила говорить Вера Михайловна. – Директор решил сегодня всех распустить по домам, а так как сегодня пятница, то встретимся с вами в понедельник. К тому времени уже должны и свет дать, и связь восстановить. Ну и надеюсь, нам к тому моменту станет известно, что это мы все сегодня наблюдали. Всё, всем до свидания.

Быстро собрав свои вещи, чем-то всерьёз озабоченная математичка нас в темпе покинула.

– Слышь, Афоня, по-моему, она чего-то нам недоговаривает, – Жека Федоровичев придвинулся ко мне и попытался своими подозрениями поделиться. Это, впрочем, во всём классе после ухода учительницы происходило. – Она явно что-то знает, иначе так стрёмно бы себя не вела.

– Да не гони, – отмахнулся я от него, в темпе сгружая в сумку с парты всё, что на ней лежало. – Что она могла за такое малое время узнать? Пока учёные какие-нибудь версии не выдвинут, никто толком ничего не скажет. Зато версий наслушаемся... Каждая бабка у подъезда свою правду в народ толкать будет. Тут главное, что уроков сегодня больше не будет, а то я контрольную точно завалил бы. Так что, Жека, потопали домой, а то вдруг сейчас возьмут и всё обратно вернут – будем до конца занятий тут торчать.

Вроде мы друг с другом и негромко разговаривали, но эти мои слова сквозь царивший в классе шум все услышали. На миг настала тишина, а потом все дружно заторопились, и уже через пять минут класс опустел. Даже дежурные смылись, не стали порядок наводить – за что, я думаю, в понедельник ещё выхватят. А может, и нет, спишут на шок.

– Бывай, – пожали мы с Жекой друг другу руки, и он потопал прямо, в свою девятиэтажку, а я в проулок свернул: мне школу по дуге обходить приходится, чтоб на параллельную улицу выйти, мы там в частном секторе в своём доме живём.

Я прошёл половину проулка, когда навстречу из кустов выбрались шестеро пацанов, двое из которых оказались моими бывшими одноклассниками.

– Оп-па, Нафаня, – радостно протянул один из них, Кондратенко Серёга. – Какая встреча.

– Здоров, Кондрат, Котыч.

– И здоровей видали, – резко ответил Серёга Котов. – Давненько мы не пересекались, а, Нафаня?

– Смотрю, осмелел в толпе, Котыч. – Я решил не вилять, так как видно было, что он на драку настроен. Видимо, настроение у него такое сегодня оказалось, и тут я как раз на пустынной дороге им попался, да ещё и один.

Котов был лучшим моим другом в первом классе, но вот во втором наши дороги разошлись. До сих пор не знаю, из-за чего наша дружба рухнула и пошли наезды, обидные прозвища. Начались драки. И если поначалу мы всегда с ним один на один дрались и на равных шли – то я верх возьму, то он, – потом это ему не понравилось, и в какой-то момент подпевала его, Кондрат, стал частенько присоединяться к веселью, если видел, что я верх одерживаю.

Битым мне надоело ходить, и я попросил родителей на бокс меня отправить: хотелось сдачи давать научиться. Но тут на дыбы мать встала: «Куда угодно, только не на бокс! Там тебе все мозги отобьют. Ни за что!» Батя умнее поступил – молча переждал мой взрыв негодования и увёл в гараж, где всё и вытащил из меня: чего это я не на баскетбол-волейбол, мои любимые виды спорта, а на бокс восхотел. Ломаться я долго не стал, всё ему рассказал.

– Не нужен тебе бокс для этого, Афоня, – после долгого молчания ответил мне тогда отец. – Чтоб сдачи давать, главное что? Главное – удар поставить, – и пальцем мне в лоб ткнул. – Я тебе сам в этом помогу. А бокс... Рассечения, сломанный нос, да и частые удары по голове. В этом мать права: оно тебе не нужно.

Так у нас в гараже появились груша, гантели, резина к стене прикрученная – с ней, взяв в руки концы и отходя от стены, чтоб внатяжку была, я удары отрабатывал; во дворе батя турник вкопал, на котором я тоже помногу висел. А потом отец действительно показал, как правильно бить: сначала правой, а потом и левой удар мне поставил. Моим коронным стал удар слева: такого никто не ожидает, а если и ожидает, то всё равно увернуться не может. Но это случилось уже потом, а тогда было главное, что к концу года от меня уже и Котыч, и Кондрат, оба выхватывали. Выхватили раз, другой, а третьего уже и не случилось. Так, собачились просто, но уже не дрались... почти. Изредка всё же приходилось на место его ставить, когда он совсем

берега терял. Но вот так, в толпе, он никогда на меня не лез. Ну вот и до этого дошло: совсем в урода превратился в своей бурсе.

– Да я и без толпы с тобой разберусь, Ботан!

И Нафаней, и Ботаном он меня ещё в детстве обозвал, и если «Ботан» не прижился, то вот прозвище «Нафания» стало моим вторым именем наравне с Афоней.

Не знаю, что на него сегодня нашло – может, от молний подзарядился или вони той химической надыхался – но он без долгих разговоров рванул на меня, заноса кулак... И улетел в кусты. Давно мы с ним не дрались, поэтому он и забыл, наверное, что у меня слева удар почти всегда первым идёт, вот я и поймал его. С правой выхватил Кондрат, который следом кинулся – улетел в другую сторону. На этом моё везение и закончилось: по одному ещё попал, но остальные быстро меня с ног снесли, а поднявшийся с земли Котыч принялся меня остервенело ногами охаживать, неся какой-то бред – что я предатель, неудачник, ботан... Пацаны его еле оттащили: поначалу сами тоже ногами по мне прошлись, но затем испугались, что он меня вообще насмерть забьёт.

– Хватит, Кот! Хватит! – Кондрат у него на плечах повис. – Нафания понятливый, ему и этого достаточно. В следующий раз вежливей будет. А пока... Муха, по карманам ему пробежись! У него всегда с собой хрусты есть, нам как раз хватит на ларёк сходить.

Муха довольно ловко меня обшмонал, что выдавало большой опыт в таких делах. Не первый я под их кулаками побывал и содержимого карманов лишился.

– Бывай, Нафания! Долго на земле не лежи, почки застудишь, – Котыч, типа, сострил: видать, крыша на место встала, раз шутить принялся, и под гогот остальных, как будто он что-то остроумное сказал, они все вместе двинулись в сторону пивнушки. Видимо, туда и направлялись изначально: наверное, их с уроков, как и нас, отпустили – вот я по дороге им и попался.

По этому проулку вообще частенько люди ходят, но сейчас, как назло, вообще никого не встретилось. Где-то минут двадцать я в себя приходил. Хорошо они оторвались на мне: не помогло и то, что я в позу эмбриона скрутился. Бровь рассадили и хорошо, если рёбра не сломали: такая боль в боку прострелила, что чуть сознание не потерял, когда подняться попытался.

Я нашёл отброшенную в сторону в начале драки сумку – не позарились на неё – и с трудом домой поплёлся. Хорошо хоть, родители на работе, а то не представляю, какова бы реакция матери была на мой теперешний вид.

– Афоня, ты как, живой?! – крикнул наш сосед, дед Витя, сидевший на лавке возле своего двора.

– Живой! Здрости, дядь Вить.

– Это что, тебя так молнией шандарахнуло? – убедившись, что со мной ничего страшного, принялся он, как обычно, шутить. – Но Афонь, может, мать твою вызвать? А то, если честно, погано ты выглядишь.

– Не. Не надо, дядь Вить. Да и связи нет, чтоб звонить. Но всё равно не надо, оно только с виду страшно, а так нормально себя чувствую.

Да, связи нет, и не будет. У меня.

Еще недавно такой надежный, мой старый телефон не пережил сегодняшнего дня – вернее, встречи с Котычем. Так что, может, оно и хорошо, что связи нет: мать меньше волноваться будет, позвонить-то всё равно не сможет.

Мать у меня врач. Батя из армии вернулся, в автобате отслужив, и за руль скорой помощи сел, где как раз практику новоиспечённая фельдшерница проходила. Через полтора года я на свет появился. Обидно, что один в семье: я всегда брата или сестру хотел, но – не судьба. У матери на долгие годы план составлен был, хоть я и вне его родился. Тут батя молодец: видимо, когда она эти планы составляла – о семье и ребёнке не думала. Поработала фельдшером, меня родила и дальше учиться пошла, ординатуру закончила, и её сразу в медицинский центр рабо-

тать забрали – оценили преподаватели её старание в учёбе. Там сейчас и трудится. А батя скорую всё так и водит, хоть уже и думает бросать это дело: хочет в автомастерскую работать идти, куда его как специалиста давно уже сманивают.

– Ну-ну. Но ты смотри, если погано будет – зови, поможем.

– Хорошо, дядь Вить. – Я быстро потопал домой, а то бодрость всё сложнее изобразить было. Хорошо меня отдубасили.

«Ну ничего, Котыч, Земля – она квадратная, за углом скоро встретимся», – думал я, рассматривая себя в зеркале.

Одежда на выброс: и порвана, и в крови вся – не только бровь разбита, но и на затылке рассечение; губы как блины и тоже кровоточат.

Теперь понятно, чего это дед на меня так жалостливо смотрел.

Прежде чем обрабатывать раны, я поплёлся в летний душ, который у нас за домом стоял. А там ещё одна претензия к Котычу образовалась – вода была чуть тёплая, из-за чертова тумана она не прогрелась, и сейчас я та-акое удовольствие испытывал, вполне сравнимое с тем, когда меня буцкали.

– Ты как, Афоня? – Уже темнело, когда дед Витя проведать меня зашёл. Я как раз спать собирался, хоть почти весь день провалялся. Очень уж погано мне было, несмотря на то что раны обработал, благо умею всё это делать, благодаря матери. Но всё равно сейчас делать нечего, света так и нет, вот я и решил пораньше завалиться. – А то смотрю, родители твои так и не приехали с работы. Дай, думаю, проведу.

– Спасибо, дядь Вить, нормально всё. А родители после сегодняшнего светопреставления, может, на сутки остались. Кто знает, что там на самом деле произошло. Всё же сверкало неслабо, да и туман этот непонятный...

– Это да. Я сам, да и старуха тоже, что-то не очень хорошо себя чувствуем. Но я ещё ничего, а у бабы Оли, не поверишь, склероз начался! – дед хихикнул, вроде и весело, но в глубине глаз нешуточное такое беспокойство промелькнуло. – Идёт куда – и забывает, за чем шла. Ругается со страшной силой от этого.

– Так, может, дядьку Лёшку попросить, чтоб вас в больницу отвёз? – Дядя Леша – другой наш сосед, батин друг. – А то ни света, ни связи до сих пор так и нет, вдруг совсем плохо станет, и скорую не вызвать.

– Да не, не надо, – отмахнулся он. – Тем более что его тоже с работы ещё нет. Ладно, раз у тебя всё в порядке, пошёл я. Ты вот ещё что, – вдруг развернулся он. – Я бабе Оле не говорил, что ты того, с молнией повстречался, – хмыкнул он, – а то замучила бы тебя заботой и оханьями своими. А тебе покой и отлежаться сейчас надо, – внимательным взглядом пробежался он по моему лицу и протянул: – Да, знакомо дело, – хмыкнул ещё раз и переспросил озадаченно: – Что я хотел сказать? – Видать, не только бабу Олю склероз одолел. – А! – вспомнил он. – Ты, если что, меня тоже не видел. Хоть она завтра всё равно узнает... Но то завтра.

– Вот за это спасибо, дядь Вить! – от души поблагодарил я его. А то я ещё думал, чего это баба Оля не заявила. Очень уж она любопытная, но ещё и добрая, и этой добротой и причитаниями меня точно бы добила.

– Да ладно. Знакомо дело, – махнул он рукой на прощание и потопал к себе домой.

Я проводил деда до калитки и пошёл снова на кровать упал. Все мысли были о родителях: ладно мать, ей домой, может, и не получается вырваться. Но батя – он бы точно, если б всё в порядке было, домой заскочил, а тем более после такого дня. Вот это нешуточную тревогу и вызывало. Может быть, я и смотался бы к ним на работу, но очень уж поганое было самочувствие.

Ох и долгов Котыч насобирали – с третьего класса столько не имел. И я не я буду, если вскоре их ему не отдам. Сторицей всё верну твари. А пока, прав дед Витя, отлежаться нужно. Но завтра, если родители не появятся до утра, точно к ним пойду.

Проснулся я поздно, день уже в самом разгаре был. А всё из-за того, что я заснуть долго не мог: слушал, как скорые или менты по городу носятся, благо спецсигналы на всю округу верещали. Ненадолго я засыпал, но из-за неловкого движения снова просыпался от боли: рёбра, если и не сломаны, то отбиты были напрочь. Да ещё сушняк ближе к утру напал: сколько б я ни пил воды, жажда не унималась. Только на рассвете я и забылся тревожным сном. Казалось, только глаза прикрыл, а уже... Я покосился на часы, а там уже двенадцатый час. Но выпавшимся я себя не чувствовал, состояние было хуже некуда. Мало того, что сушняк только усилился, так ещё и всё тело взвыло от боли, стоило только пошевелиться. И не только от боли. Выпитая ночью вода наружу просилась со страшной силой, так что вставать было пора, и как можно быстрее. И как ни больно было, но с кровати я довольно шустро слез и до туалета в темпе дошкандыбал.

Успел. И даже боль отступила на время. Ну и особенно порадовало то, что крови в моче я не увидел: ливер мне точно не отбили.

Я прошёлся по дому, но и так уже было видно, что родители не появлялись. Хотя, наслушавшись ночных завываний, я как-то подуспокоился на этот счёт. Видно, работы действительно много, а я уже не маленький мальчик, чтоб надо мной трястись. Если б со мной что случилось, то соседи бы точно их известили – всё же друзья. Странно только, что не навестили меня с утра. Но это ладно, чуть погодя сам к ним наведаюсь, да и деда Витю с бабой Олей проведать нужно обязательно.

Я подошёл к зеркалу – в зале трельяж чуть ли не в полный рост у нас стоит – и посмотрел на красавца, который там отображался. Что тут скажешь? Красавец и есть. На брови шишка с рассечением: она, кажется, ещё больше стала, но не кровит – как вчера пластырем залепил, так нашлапка на месте и висит, зато синяк на глаз опустился, одна щёлка осталась. Рёбра вообще всеми цветами радуги сверкают, как и рука, которой я их прикрывал. Губы – блин, негры отдыхают: такую пластику мне организовали, что из дома страшно выходить. Ещё и зубы побаливают, но вроде крепко сидят, хоть вчера и пошатывались.

Я начал разматывать бинт на голове, который вчера намотал, когда на затылок тампон накладывал – и, чёрт побери, он присох, теперь его придётся с помощью перекиси отдирать. Хорошо, волосы короткие, подстригся я совсем недавно, а то не знаю, как его и отрывал бы. Но я справился: пошипело перекисью немного, чуть покалывая, и тампон сам, можно сказать, отвалился.

И как вот в таком виде к родителям идти? Чёртов Котыч, и надо же было так с ним пересечься!

Пока раны по-новому обработал, пока завтрак, а заодно и обед на газу приготовил – уже два на часах. Света так и нет, хорошо хоть, что вода есть – плохо, что родителей до сих пор нет. Я допил чай и решил соседей навестить, а то тоже, ладно... Да не ладно, старики бы точно навестили, всё же дед видел, как мне прилетело. Точно бы проведать зашёл. Не дай бог что случилось, вроде же вчера жаловался на самочувствие.

Я надел спортивный костюм и решил сначала к Алексеевым сходить, а потом уже вместе к старикам наведаемся. Если с теми что случилось, то дядька Лёшка на машине в больницу их, а заодно и меня к матери отвезёт.

Вышел за калитку: нет деда на лавке, где он обычно любит покурить посидеть или просто чаи погонять и на людей посмотреть, да словом с ними перекинуться. Скучно старикам, дети и внуки в другом городе обитают.

Я осмотрелся по сторонам, людей было негусто: вдаль стояли, как-то странно покачивались, а ещё дальше толпа прям на дороге над чем-то или кем-то склонилась и что-то там делала.

Плохо кому-то стало, что ли?

Так и не понял я, что они там делают. Подошёл к соседям – а у них калитка на замке, значит, дома их нет. Они только на ночь или когда уезжают её и замыкают.

Я вздохнул и пошёл бабе Оле сдаваться. Надеюсь, склероз у неё не сильно разыгрался, а то она меня в таком виде и не признает. Но тоже обломался: дверь в дом была замкнута, и сколько я ни стучал, никто так и не отозвался. Только шуршание и вроде как урчание откуда-то доносилось, как будто из подпола. Но что они там вдвоём забыли? Скорей всего, кошка их старая шуршит. А что урчит так странно... Даже не знаю, может, вообще глюки. Да и не замыкаются они днём обычно.

Может плохо стало, и дядька Лёшка их в больницу отвёз? Это бы объяснило, куда они все подевались. Эх, придётся мне так топтать к матери.

Я пошёл домой, и когда уже в калитку заходил, услышал, как где-то кто-то не своим голосом закричал, как будто его режут там. Аж озноб по всему телу прошёл, и меня передёрнуло всего – не от страха, от дурных предчувствий. Я вернулся на дорогу и успел заметить, как те, кто стояли, покачиваясь, в проулок ушли.

Вот и хорошо. Разберутся, кто это там так кричать вздумал.

Сушняк ещё больше усилился, так что я прекратил по сторонам глазеть и решил пойти чая ещё попить, а потом уже к матери на работу отправляться. Да записку нужно не забыть написать, а то уйду, а кто-нибудь в обязательном порядке домой в это время решит заявиться.

Как же без связи херово – как без рук, и в вакууме себя ощущаешь.

Переодеваться я не стал, так в спортивном костюме на выход после чаепития и потопал, только сумку с документами, кошельком и ключами от дома на плечо закинул.

Когда я уже калитку замыкал, то услышал стрекотание, как будто вертолёт где-то летает. И только теперь я понял, что меня напрягало: тишина вокруг. Ночью машины ездили, судя по сиренам, а как проснулся – тишина стояла. Мёртвая. Только крик тот и разбил её ненадолго, но лучше бы его вообще не было – такой жути нагнал. И теперь вот это стрекотание, которое особенно выделялось в царившей вокруг тишине.

– Да что за чертовщина происходит? – вслух от души выругался я, абы только тишину эту проклятую нарушить.

Посмотрел вдаль вдоль улицы – там только те склонившиеся продолжали чем-то заниматься. И что-то меня к ним совсем не тянуло идти: я уже подозревал, что ничего хорошего там не увижу.

Я решил, как и вчера, по тому же проулку пройти к школе. Дойду до магазина, что почти напротив неё находится: там таксисты иногда стоят, вот на такси и поеду. Что-то совсем нет желания пешком ходить, когда вокруг чёрт-те что происходит.

Надеюсь, Котыча сегодня там не встречу, а то будет ему радости.

...Котыча не встретил, но зато по выходу из проулка на труп наткнулся. Мужик лежит, и явно не своей смертью умер – крови вокруг него натекла лужа целая. Потом, когда я от мужика ошарашенный взгляд сумел оторвать – ещё тела увидел: их множество в разных местах по одному и целыми группами рядком валялись.

Особенно меня вид девочки маленькой впечатлил. Такое ощущение возникло, будто она под машину попала, и её под днищем долго таскало так, что от тела и не осталось почти ничего: только часть туловища и голова с косичками.

– Иммунный?

Раздавшийся сзади голос до такой степени меня напугал, что я на метр как минимум подпрыгнул и в сторону отскочил, развернувшись лицом к говорившему.

– Скажи-ка что-нибудь, парень! – потребовал этот...

Напротив меня стояли двое... Как бы их описать? Я только в фантастических фильмах такое и видел. Чёрная и явно не простая одежда, поверх которой была броня расположена: бронжилет, налокотники, наплечники, наколенники – как у какого-нибудь космического пехотинца. Оружие тоже: я такого раньше не видел, и, что особенно не понравилось, оно на меня было направленно.

– Да точно, иммунный. Не видишь, что ли, что в шоке пацан? Иначе уже бросился бы на нас, – ответил ему его напарник.

Лиц было не видно, их сплошные шлемы с тонированными забралами закрывали, но вот слышал я их прекрасно. Только слышал, ответить ступор не давал: как комок в горле засел, дышать через раз, и то с трудом, получалось.

– Парень, кивни, если понял. Голова болит? Сильная жажда мучает? – не отставал от меня первый.

Рядом стоящий даже захрюкал от смеха.

– А то по его внешнему виду не видно, что и голова болит, и сушняк, сто процентов, неслабый. Ты глянь на его вид: наверное, вчера по пьяни выхватил.

– Ну, так что с ним делать? – не сводя с меня взгляда, спросил один другого. – Берём с собой или валим? Но смотри, по возрасту он нам подходит, хоть и битый.

Второй вдруг резко шагнул вперёд и схватил меня за плечо, так сжав, что у меня сразу голос и прорезался:

– Отпусти, чёрт бронированный, – я еле умудрился вырваться из его хватки. Но ступор действительно прошёл, и даже вид трупов уже не особо меня волновал. А вот от боли, пронзившей всё тело, слёзы сами собой полились. – Придурок!

– Иммунный, – довольно произнёс тот, что меня хватал. Он отстегнул от пояса висевшую там флягу, открутил крышку и протянул ёмкость мне. – Три-четыре глотка, парень. Тебе сейчас это не помешает.

– Пей давай, некогда нам с тобой тут возиться! – прорычал второй.

Спорить я не стал. Взял флягу, но сначала понюхал содержимое – чем-то очень знакомым пахло... Но я так и не вспомнил чем. Не стал больше тянуть: как и говорил броненосец, сделал четыре глотка, тем более действительно снова сушняк напал, и пить хотелось невероятно.

Напиток оказался явно спиртной, на вкус непонятный, на ликёр чем-то похож, но от сушняка он хорошо избавлял, это практически сразу почувствовалось. Даже флягу отдавать не хотелось, но пришлось вложить её в снова протянутую руку.

Со стороны школы послышался звук приближающегося к нам вертолётa. Я оглянулся туда и снова на трупы взглядом наткнулся. Обернулся обратно, хотел у «броненосцев» спросить, что происходит. Но не успел. Последнее, что запомнилось, – летящий мне в лицо кулак.

Глава 2

– Ох! – Боль прострелила всё тело, стоило только проснуться.

Не проснуться – очнуться!

Сразу же вспомнились многочисленные трупы и «броненосцы», которые меня сначала чем-то напоили, отчего сразу мучивший с ночи сушняк проходить стал, а потом по какой-то непонятной причине взяли и вырубili.

И не только вырубili, если судить по состоянию тела. По сравнению с тем, как меня Котыч с дружками отделали, эти меня не только отбуцкали, но ещё и, кажется, танком сверху переехали.

С большим трудом мне удалось сесть, а потом и глаза открыть, так как они теперь оба в щёлочки превратились из-за внушительных синяков под ними. И хоть сначала всё плыло вокруг, чуть погода всё же удалось осмотреться.

Камера два на четыре метра. Одиночка. Кроме кровати, на которой я сейчас и сидел, в помещении больше ничего из мебели не было. Да вообще ничего не было, если не считать унитаза и поддона под душ, которые в противоположной части камеры возле непонятной какой-то стены располагались. Если боковые стены комнаты-пенала были вполне себе обычными, вроде как из бетона отлитыми, то вот дальняя будто из стекла была сделана, за которым располагались толстые пятнадцатисантиметровые столбы решётки. Они вертикально из потолка в пол через те же пятнадцать сантиметров располагались, скреплённые в трёх местах толстыми стальными полосами. Что за этой решёткой находилось, рассмотреть не получилось, так как там тоже стена стеклянная виднелась, но уже тонированная.

Кряхтя от боли, я оглянулся посмотреть, что за спиной находится.

Там в метре от кровати обнаружилась такая же стеклянная стена с такой же внушительной решёткой за стеклом. И тоже не видно было, что за ней находится. Сев нормально, я посмотрел на даже с виду массивную дверь, которая располагалась слева от меня, по центру бетонной стены. И всё – если не считать тусклого светильника, который под потолком даже рассмотреть не получилось, больше в камере ничего интересного не было.

Я принялся себя ощупывать и осматривать.

Голове неплохо так досталось: шишек и синяков хватало. Но вот повязок никаких не наблюдалось. Выстриженная плешь на затылке, как и хорошо опухшая бровь, были гладкими, покрытыми чем-то непонятным. Но точно не пластырем, которым я бровь заклеивал вчера и сегодня утром. Ссадины были покрыты какой-то плёнкой, при этом никакого дискомфорта от неё не чувствовалось.

Я пошевелил челюстью и понял: в ближайшие дни лучше не пытаться разговаривать. Хоть она вроде и не сломана, и зубы на месте, но двигается с трудом. Нос тоже вроде не сломан, но лучше к нему не прикасаться: болью по мозгам стегнуло так, что из глаз-щёлочек обильно слёзы полились. Вытирать их приходилось с огромной осторожностью, так как синяки тоже такой неслабой болью отдавали.

Но всё же слёзы я унял и посмотрел на тело... Голое тело, я только теперь это понял. Одежда на полу валялась, но не моя, новая на вид и какая-то тёмно-серая вся. Обувь там же обнаружилась, того же цвета и тоже не моя – по виду кроссовки, только с высоким голенищем и толстой подошвой.

В камере, на что я тоже только сейчас обратил внимание, было довольно тепло, отчего отсутствие одежды я и не заметил сразу. Так что решил закончить с обследованием тела и только потом уже одеваться.

А на тело страшно смотреть было – оно практически всё казалось чёрно-синее из-за бугристых синяков. Даже странно, что я вообще пошевелиться смог. По идее, болеть должно было на порядок сильнее, а я ещё и двигаться умудряюсь.

А это что? Я с трудом, но сумел на обеих руках рассмотреть следы от инъекций.

– Раз, два, три... Пять на одной руке и семь на другой. Или капельницы ставили, или так часто кровь на анализ брали. Или и то и другое сразу, да вдобавок ещё и уколы какие кололи.

И когда успели? Это же нужно было отдубасить сначала, потом довести... Куда, интересно, меня привезли? Я огляделся ещё раз по сторонам. Кажется, что недавно вырубился, но судя по всем следам (и количеству уколов в том числе), провалялся я больше, чем чувствуется.

От навалившейся пока ещё лёгкой паники бросило в дрожь. Непонимание происходящего очень уж угнетало, а в голове постоянно вопросы всплывали, ответов на которые я не находил: Где я, и что с родителями? Что вообще происходит? Трупы... Туман непонятный... Ещё более непонятные «броненосцы», которые сначала дают напиться, а потом в морду...

С трудом, но всё же удалось взять себя в руки. Не время паниковать. Я потянулся к одежде, но от прострелившей всё тело боли решил не спешить одеваться, а сначала так, голяком, к белому другу наведаться – всё равно смущать и смущаться некого. Да и душ посетить не помешает: авось вода поможет боль в теле унять, да и с трудом сдерживаемый мандраж подуспокоит.

Унитаз простой, с бачком и кнопкой на нём, только почему-то передом к стеклянной стене расположен – в метре от неё и практически вплитык к боковой. За ним сразу размещён белый поддон со сливом и висящим на специальном держателе рассеивателем с гибким шлангом.

Хм, даже занавеску предусмотрели, которой от остальной комнаты можно отгородиться. И зачем, если никого больше тут даже не предусмотрено? От кого отгораживаться?

Лёгкий шелест раздался за спиной, когда я уже завершил свои малые дела и, нажав на кнопку, спустил воду. Я оглянулся посмотреть, что это там такое шелестит... Хорошо, что по большому совсем не хотелось, а по малому уже сходил: не то тут же, не сходя с места, в штаны и напрудил бы. И неважно, что штанов сейчас на мне не было – всё равно напрудил бы.

Ещё недавно расположенная у меня за спиной стеклянная стена куда-то исчезла, и от соседней камеры только решётка сейчас меня и отделяла. Но не из-за этого у меня все волосы на теле дыбом встали, а сердце ушло в пятки. Обернувшись, я столкнулся взглядом с удивлённо смотревшим на меня монстром, которого только в фильмах ужасах и можно было увидеть.

Вполне гуманоидное тело, только кожа тёмно-серого, местами синего цвета, и просто нереально развитая мускулатура, из-за чего он и казался таким огромным. Но не это ввело меня в ступор: лысая голова в два раза больше обычной человеческой, провалы на месте глаз – они там еле виднелись – и просто нереально громадная пасть, которая сейчас медленно раскрывалась, демонстрируя такие же громадные зубы.

У монстра оторопь закончилась быстрее, чем мой ступор. Невероятно быстрое движение – и решётка загудела от сильнейшего удара, а... не рука – лапа с внушительными когтями просунулась в зазор между столбами и попыталась меня ухватить. Но толщина руки не позволила этого сделать: не хватило сантиметров двадцати, чтоб дотянуться до меня.

А потом раздалось это!

Такого я ещё в жизни не слышал: он издал какое-то горловое урчание-рычание, в котором звучала хорошо слышимая досада.

Как я оказался на кровати, просто не помню. Вот я смотрю в глаза монстра, потом посмотрел на когти, мелькающие перед самым моим носом, и вот я уже...

– Чёрт, чёрт, чёрт, чёрт! – Во все мои неширокие в данный момент глаза я смотрел на беснующегося монстра, сидя с ногами на кровати.

Тот в это время остервенело пытался добраться до меня: тряс решётку в попытке её вырвать или разогнуть в стороны – к огромной моей радости, металлические столбы только гудели, но даже не шевелились. И это сводящее с ума урчание, из-за которого тело постоянно обдавало холодом и невероятно хотелось спрятаться. Только понимание того, что прятаться тут некуда, заставляло сидеть на месте и надеяться, что решётка всё-таки сдержит этого монстра. Не зря же она была такая массивная – на подобных тварей, наверное, и рассчитана.

Понимание этого помогло немного успокоиться. И я даже смог вздохнуть полной грудью... Выдохнуть не получилось. За спиной раздался уже знакомый шелест. Я вскочил с кровати – теперь понятно, почему она не вплотную к стене стояла – и резко оглянулся.

Но из-за решётки раздалось не урчание очередного монстра, а голос:

– Здоров, голозадый! Весело ты скачешь, – заржал находившийся там парень. – Давай ещё, потруси своим отростком, а то совсем от скуки тут свихнусь.

– Ты, сука! – вырвалось вполне внятно. А я-то думал, что разговаривать сегодня не смогу.

Но сейчас об этом уже не вспоминалось. Меня всего затрясло от злости. Я, уже не обращая внимания на монстра, который всё так же не прекращал попыток пробраться в мою камеру, смотрел на Котыча. Он, одетый в такую же одежду, что и у меня возле кровати валялась, сидел на своей кровати и от души ржал, наблюдая за мной сквозь решётку.

– Твар-рениш, из-за тебя здесь оказался! Дай только добраться, ур-рою ублюдка, – прорычал я так, что даже монстр за спиной на время затих, замерев в шоке.

Оборвавшийся смех показал, что Котыч, видимо, мне поверил, так как, не сводя с меня загоревшихся бешенством глаз, буквально прошипел, подойдя к решётке:

– Я сам тебя захерачу, Нафаня! Жаль, в прошлый раз тебя не добились. Но ничего, встретимся ещё. А может, и не встретимся. – На лице у него расплзлась издевательская усмешка. – Может, те дуболомы, что вот уже неделю каждый день избивают твою бесчувственную тушку, сами тебя и прибьют, мне утруждаться не придётся.

Больше сказать он ничего не успел: стеклянная стена с тихим шорохом упала сверху вниз, отрезая меня от него. Такой же шелест раздался и сзади, но вот сопровождался он яростным рычанием монстра, которому такая же стена в руку упёрлась и медленно придавливала к полу, пока он не втянул лапу в свою камеру и стекло не встало на своё место и там. Настала полная тишина. Только сердце, казалось, хотело выпрыгнуть из груди, с такой силой оно там колотилось.

– Вот же тварь! – выдохнул я, смотря на стену, за которой в такой же камере обитал Котыч.

Сначала монстр, а потом и этот ушлепок взбудрили меня так, что даже боль отступила. Но главное, после Котыча мозги от недавнего страха совсем прочистились и я наконец вполне нормально соображать начал. Ну и чтоб окончательно успокоиться, я решил сначала всё же искупаться, а потом уже мозги нагружать.

Посматривая с опаской на стену, за которой монстр обитал, я встал под душ и быстро помылся. Хорошо хоть, вода и холодная, и горячая была, я сумел её настроить так, чтоб избытому телу не очень неприятно было. Заодно и напился, так как других источников в камере не наблюдалось. И уже после всего этого я поспешил одеться, так как боль в теле стремительно возвращалась.

Одежда, как на меня шитая, села идеально. Сначала нижнее бельё – майка, трусы и носки из какого-то мягкого, даже, я сказал бы, нежного материала. Потом штаны, тоже приятные на ощупь, но более плотные. Обувь веса практически не имела, но стопу плотно фиксировала. В такой хорошо по бездорожью бегать – ногу не подвернёшь, а из-за толстой подошвы ещё и не наколешь ничем.

Я оделся и сразу же почувствовал себя человеком. А чтобы совсем хорошо стало, решил, как батя мой говорит, «на спине посидеть» и всё хорошенько обдумать. И даже не о Котыче

– я бросил полыхнувший ненавистью взгляд на ближайшую стеклянную стену. Но там, кроме уже знакомой массивной решётки, ничего не было видно. Но и чёрт с ним; меня сейчас больше монстр волновал, с другой стороны обосновавшийся. Его небось там специально и поселили, чтоб те, кто от запора страдает, мгновенно излечивались, когда решат на горшке посидеть.

Я вздохнул с облегчением: наконец-то улёгся, а то боль вернулась в полной мере – закончился заряд обезболивающего, вызванный недавней шокотерапией. Да ещё и знакомая уже жажда навалилась; то, что я из-под душа попил недавно, только ещё больше её раззадорило. Вот чтоб и от неё в том числе отвлечься, я решил мозги на полную загрузить... Но не успел.

Громко лязгнула замком дверь, но хоть открылась без скрипа, как в каком-нибудь ужастике обычно происходит. Внутри камеры вошли двое уже знакомых мне «броненосца», как будто ждали снаружи, пока я на кровати растянусь, чтобы тут же обломать.

Один остановился на пороге, второй на несколько шагов приблизился ко мне и, не повышая голоса, скомандовал:

– Встать!

Оказывается, это не те, что мне в городе встретились – голос абсолютно другой. Но, блин, как под копирку сделанные: и рост вроде такой же, и внешне ничем не отличаются... Оружие другое. У тех дуры поболее были, насколько помню; у этих же – небольшие автоматы, на меня сейчас направленные.

Я не стал их нервировать, а то снова бронированным кулаком в морду получать было неохота. Кряхтя, я поднялся с кровати, с опаской за ними наблюдая. Не про этих ли дуболомов Котыч говорил, что они вот уже неделю бессознательным мной тут в футбол играют? И главное, не захотят ли они снова это проделать, только уже с «мячом», который в сознание пришёл?

Не захотели. Вместо этого говорливый всё тем же тоном скомандовал:

– На выход! – Только и эмоций, что автоматом махнул, направление указывая.

Второй, так и продолжавший всё это время молчать, как только я двинулся в указанном направлении, сразу же вышел наружу, продолжая оттуда контролировать каждый мой шаг. Только зря он это, при всём желании я сейчас не смогу ничего такого выкинуть: тело после их занятий спортом и так со скрипом двигается.

Снова лязгнул замок, и меня повели по довольно широкому – на машине можно проехать – и ярко освещённому коридору с высокими потолками. Мы шли мимо таких же дверей, как и в моей камере, и было таких немало. Сколько – не скажу, так как коридор с камерами тянулся дальше, а мы свернули направо и через шлюз попали в какое-то более цивилизованное место. Стены и потолок обшиты светло-синими панелями, а не бетонные, как в предыдущем коридоре. Чистота такая, что в плитке на полу своё отражение рассмотреть можно было. Только мне этого не дали сделать, сразу же последовала очередная безэмоциональная команда: велели не вертеться, а идти в указанном направлении.

Так и шли, пока снова через шлюз не попали в лабораторию, что мне очень не понравилось. Я думал, придём, куда там меня ведут – там уже вопросы о происходящем задам, так как «броненосцы» к этому не располагали. Но и тут меня никто ни о чём не собирался просвещать.

Даже осмотреться толком не дали: сразу подскочили двое, одетые в белые костюмы биологической защиты, полностью закрывающие тела. Только и различия с «броненосцами», что у этих глаза за стёклами видно. И глаза эти никакой жалости в отношении меня и моего состояния не показывали.

Подскочили, быстро меня от одежды избавили, не обращая внимания на ругательства и попытки вырваться, шустро уложили сначала в какой-то томограф, зафиксировав руки, ноги и двумя широкими ремнями – грудь и бёдра. Просветили меня на этом агрегате, а потом в том же темпе перетащили на очень холодный стол, где вдобавок к вышеперечисленному ещё и голову ремнём через лоб к столу притянули. Только и мог материться да глазами вращать.

Ругаться я прекратил, так как никто на мои слова внимания не обращал, только и осталось что глазеть по сторонам. Заодно я узнал, откуда следы от инъекций на руках появились. До этого сидевшие за непонятными для меня приборами лаборанты, как меня на стол перетащили, сразу же подскочили и прилично так из меня крови откачали, дружно её разлили по пробиркам и снова на свои места разбежались. Зато другие подступились... И началось: в рот заглянуть, в глаза посветить, датчиками меня облепить, потом их убрать и уже к другим местам другие прилепить, светящимися и нет приборами надо мной поводить... Так как было не особенно больно, я даже не заметил, как отрубился – просто лежал с открытыми глазами и уже ни на что не обращал внимания.

В себя я пришёл из-за того, что вся свистопляска вокруг меня закончилась, остался только один мужик, который надо мной руками водил. Мужик, не облачённый в защитный костюм, и притом без маски, водил вокруг моего тела руками. Он на мой вопрос: «Мужик, ну хоть ты скажи, что вообще происходит?» – даже глазом не повёл, продолжая изображать непонятно кого.

– Сука! – выдохнул я разочарованно, прекращая за ним наблюдать, и тупо уставился в потолок.

В голове всё спуталось: куча вопросов и вообще никаких ответов. Начиная с тумана... Стоп! А не из этой ли лаборатории тот туман сбежал? Потом группа зачистки та броненосная – я вспомнил, что у первого увиденного мной трупа в голове маленькая дырка была. Его точно те двое пристрелили. Потом ещё у меня допытывались, иммунный я или нет. Получается, сначала заразили... Тогда как они узнали, что я иммунный? Как определили, что я именно он и есть, без всяких анализов? У мужика того точно никаких следов заражения не видно было, но его это не спасло. Нужно вспомнить, как оно всё происходило, и что те двое тогда говорили – дословно.

Но предаться воспоминаниям я не успел. Мужик закончил руками махать и направился... Вот чёрт! Окна-то я и не заметил. Всё по сторонам глазел, а тут глаза ломать не нужно: прямо напротив почти во всю стену окно, за которым люди уже без серьёзной защитной одежды, одетые просто в белые халаты, работали.

Рукомахатель подошёл к этому окну, за которым другой мужик, одетый в костюм и белоснежный халат, стоял и за всем творившимся в лаборатории наблюдал. Первый начал ему, я так понял, про меня рассказывать.

– Первый дар у него уже окончательно закрепился, и вскоре можно переходить ко второй стадии эксперимента.

– Изменений никаких? – сосредоточил всё своё внимание на мне тот, что за стеклом стоял.

– Нет! Как я и говорил раньше, он – целитель.

– Так что, при нормальном обучении он станет таким же, как и ты, знахарем?

Чёрт, куда я попал? Что те «броненосцы», что меня сюда привели, что этот – голосом вообще никаких эмоций не выражают. Биороботы. Только и всех эмоций, что мужик за стеклом перестал на меня пялиться своими рыбьими глазами и уставился на, как оказалось, знахаря.

– Нет, – отрицательно мотнул головой знахарь. – Он целитель! Я с таким даром уже сталкивался. Сам себя вылечит, что, впрочем, он уже пусть неосознанно, но делает. После утренних процедур и укола снотворного он довольно быстро очнулся и даже сам передвигаться смог.

Вот падлы! Это получается, что и сегодня утром они меня отбуцкали, обозвав это дело процедурами? То-то мне так погано было.

– Также, – продолжал тем временем отчитываться знахарь, – он сможет и других лечить, только уже наложением рук. Но лечить сможет только тело, с дарами разбираться ему не дано. Он их не увидит просто. Ну и ещё интересный момент, который, впрочем, нужно будет ещё

проверить. Если дар такой, как я думаю, то субъект сможет заряжать воду, делая её целебной. В память воды прописываются те же свойства, что и у спека, но без наркотической зависимости. Я бы даже сказал, наподобие лайт-спека. Единственный минус этой воды в том, что недолго она целебными свойствами обладать будет. Дня два-три максимум, а потом снова простой водой станет.

– Очень интересно! – У мужика за стеклом во взгляде, который он на меня перевёл, действительно проблески интереса прорезались. – Можно ли сказать, что дар его благодаря нашим усилиям проявился?

– Не факт, – снова отрицательно мотнул головой знахарь. – Его уже избитого нашли, поэтому и продолжили в критическом состоянии держать. Но вот другие подопытные, кто подвергся тем же процедурам, совсем другие способности заимели. Так что...

– Понятно, – сразу потерял ко мне интерес застекольщик, не став дослушивать объяснения знахаря до конца. – Значит, будем вести статистику. Когда он будет готов ко второму этапу эксперимента?

– Здоров он уже завтра будет, но переходить ко второму этапу лучше всего дней через десять. Это минимум для того, чтобы он нормально акклиматизировался и с гарантией мог второй дар занять. Потом паузы нужно будет более продолжительные делать.

– Хорошо! Десять дней так десять дней...

– Профессор! – подскочил к застекольщику суевающийся и почему-то кланяющийся лаборант. – Извините, что перебиваю, но у номера восемнадцатого очень, очень интересные анализы. Вам обязательно нужно глянуть.

– Сейчас подойду, – даже голову не повернул в сторону лаборанта профессор. А тот и рад, снова поклонился и так же шустро, как и подскочил, улетучился. – Через десять дней продолжим, – уже не таким размеренным голосом продолжил говорить профессор знахарю. Хотя внешне этого и не демонстрировалось, но, видимо, лаборант всё же сумел заинтересовать, и профессор торопится посмотреть на те интересные анализы. – Но всё это время... – задумался он на миг. – Снотворное прекращаем колоть, раз оно на него стало слабо действовать, начинаем эмоционально подготавливать его ко второму этапу.

А вот это мне не понравилось. Это что, все десять дней я буду звиздюлей выхватывать?

Что там ещё сказал профессор, узнать мне не суждено было – к столу подскочили два лаборанта, освободили мне от ремней голову, грудь и живот и, чуть приподняв, шустро защёлкнули на моей шее ошейник.

– Проверка! – скомандовал левый, повернув голову куда-то в сторону.

– Ах, мать вашу! – аж подскочил я на столе, шею прострелил приличный такой электрический разряд. – Да вы вообще охренели!

Но на мои возмущённые вопли никто никакого внимания не обратил. Лаборанты посмотрели на именно в этот момент вошедших в лабораторию «броненосцев» и кивнули им, отстёгивая при этом оставшиеся ремни с моих ног и рук:

– Можете его забирать.

– Не советую этого делать, – заговорил вдруг один из «броненосцев», когда я за ошейник схватился. – Если ты его повредишь, то сразу головы лишишься. Сработает заряд, и шею тебе как гильотиной срежет.

От такой перспективы руки сами разжались и бессильно повисли вдоль тела. И я уже не сопротивлялся, когда меня довольно грубо со стола сдёрнули и толчком в спину направили к выходу. Так, изредка подталкивая, до камеры меня и довели, куда уже пинком поторопили войти, лязгнув замком на прощание.

Я даже не думал, что надетый на мою шею ошейник столь оглушающе подействует. Как до камеры дошёл, почти не помню, в себя пришёл от пинка под зад. Вот тут я и очнулся.

Апатия сменилась бешенством.

Думаете, ошейник нацепили, на поводок невидимый посадили, и теперь всё, меня, как собаку, можно будет электрическими разрядами дрессировать? Лом вам в зад большой винтом закрученный, а не дрессировка!

Я снова за ошейник схватился и ощупал его более тщательно: в меру широкий, около сантиметра толщиной, из непонятого гладкого материала. Электроника, наверное, вся внутри спрятана, так как никаких выступающих частей я не нащупал. В том числе и замка не обнаружил.

Самостоятельно фиг снимешь.

Как только я это осознал, то довольно быстро успокоился и начал более конструктивно думать.

«Родителей, если они не здесь, то, скорее всего... – На глазах выступили слёзы, зашипав синяки. Я чуть снова не расклеился, но вовремя одёрнул себя: – Не время по ним горевать! – сделал несколько глубоких вдохов-выдохов, успокаиваясь. – Пока не узнаю точно, что с ними случилось, рано их хоронить. Буду надеяться, что они уцелели. А сейчас нужно сосредоточиться на происходящем, дословно вспомнить, кто и что говорил. Что там знахарь профессору тому втирал? Типа, я целитель, могу сам себя и других наложением рук лечить? – Я аж хохотнул от этого бреда. – Но вообще хорошо бы было. До других мне дела нет, а вот себя не мешало бы подлечить».

Решил я попробовать. Прижал ладони к самым проблемным местам и сколько бы ни пыжился, ничего не произошло: как болело, так и продолжило. Зато жрать захотелось, желудок даже рыкнул недовольно, и сушняк снова навалился. И только я сделал пару шагов к душе, чтоб напиться, заодно попытаться водой голод обмануть, как...

Снова лязгнула замком дверь и внутрь бронетуша вошла с моей одеждой в руках. Вошедший скинул одежду на пол, а мне протянул знакомую на вид флягу из чёрного пластика.

– Это тебе на сутки, – начал он объяснять, когда я её с опаской взял, ожидая звиздюлины, которая, как я думал, к фляге прилагается. Но в этот раз её не последовало. Без всяких лишних телодвижений «броненосец» монотонным голосом закончил меня просвещать: – Как сушняк будет донимать, делаешь три-четыре глотка. Не больше! А то, – указал он рукой на стеклянную стену возле унитаза, – в такого вот красавца превратишься.

Я с опаской взглянул в ту сторону: за всеми сегодняшними событиями про него уже как-то и подзабыл, как и про Котыча, обитающего с другой стороны по соседству.

– Скажите... – решил хоть что-то для себя прояснить, но «броненосец» не стал дослушивать мой вопрос, молча развернулся и вышел из камеры. Зато зашёл его брат-близнец с порционным подносом в руках и рулоном туалетной бумаги поверх крышек на подносе. Второй «броненосец» впихнул всё это мне в руки и так же молча удалился.

Уже привычно лязгнула дверь.

Глава 3

Сразу как «броненосцы» вышли, я решил содержимое фляги опробовать: быстро открыл крышку у неё, поставив поднос на кровать.

Да, именно этим меня тогда и угощали. Я понюхал, что там булькает. Если не ошибаюсь, то запах на миндальный похож и что-то шоколадное такое.

Тянуть я больше не стал: сделал, как и предупреждали, всего четыре глотка. Четыре-то четыре, а ощущение такое, будто полноценно напился. Как и в прошлый раз, жажда почти сразу же отступила, только сейчас никто в морду не бил, и я смог полноценно насладиться эффектом этого непонятного напитка.

Недолго я наслаждался – желудок взвыл громче прежнего, требуя кончать фигнёй страдать и быстрее с подносом разобраться: изучить, что там такое под крышками находится. Я не стал ему противиться, но сначала решил всё же одеться. Вот так, под охи – из-за боли в избитом теле – да под возмущённое бурчание желудка и одевался, надеясь при этом, что никому я сейчас, вот прямо сейчас, срочно не понадобится, а то этот рычащий проглот сам меня сожрёт изнутри.

– Так, поднос, иди сюда. – Я сел на кровать и поставил его себе на колени. – Сейчас посмотрим, чем тут угощают, – пробормотал я тихонько, откидывая в сторону туалетную бумагу и рассматривая, что мне такого принесли.

Квадратный поднос, на ощупь вроде как из картона сделан, но выглядит как металлический. Три больших отделения, каждое своей отельной крышкой накрыто, в четвёртом, маленьком и круглом, средних размеров картонный стакан с крышкой стоит. Посередине в углублении лежат ложка и вилка пластиковые, в целлофан упакованные.

Вот с них я и начал. Распаковал и...

– Ах! – втянул я носом аромат, сняв чуть выпуклую крышку с первого отделения на подносе. – А хорошо здесь кормят.

Густой наваристый фасолевый суп с приличным количеством мелко нарезанного мяса (видимо, повар знал, кому готовит: челюстью было всё же больно шевелить, чтобы большие куски пережёвывать). Желудок в очередной раз рыкнул, поторапливая, и я больше не стал сдерживаться. В таком темпе ложкой заработал, что даже вкусом толком насладиться не успел, как суп провалился внутрь.

Вкусно, но мало! И хлеба не дали, жмоты. Я обычно хлеб с хлебом ем и хлебом закусываю. Мать всегда удивлялась, как можно макароны или те же пельмени с хлебом есть? Но мне нравилось именно с ним: пусть меньше съем, зато вкусно.

В следующих отделениях – каша гречневая с мясной подливой и салат с морковкой и со спаржей, если не ошибаюсь. Неважно, всё это последовало за супом. Вкусно! Хлеба всё так же не хватает, но хоть порции приличные, не пожалели.

Желудок вроде и ещё бы не оказался чем-нибудь закинута, но это он от жадности. Еда вполне сытная, и съел я сейчас раза в два больше обычного. Так что скоро сонливость навалится, а так как тут делать нечего, то я ей, скорее всего, поддамся.

Сладкий, даже чересчур, чай в картонном стаканчике я пил уже не спеша. Стаканчик я планировал у себя оставить – будет из чего воды потом напиться. Поднос же, накрыв обратно крышками, возле двери поставил. Туалетную бумагу отнёс к унитазу, с опаской на стену поглядывая, не решат ли меня сейчас взбудорить видом... Пургена.

Ну а чё? Нормальная кликуха! Его, наверное, потому и поселили в такой близости от мыслительного места, что не хотят, чтоб арестанты тут думы думали и таким видом наблюдателей смущали.

Вот так, управившись, я сел на кровать и, прихлёбывая уже порядком остывший чай, принялся в голове крутить, что я сегодня узнал, в попытке понять, где я очутился.

Первое: туман давешний точно отсюда. Видимо, из какой-то секретной лаборатории утечка произошла. Настолько секретной, что о ней даже слухов у нас в городе не ходило.

Интересно, правительство в курсе, что тут изучают?

Хотя это глупый вопрос – конечно в курсе. От них такое не скроешь. Наверное, программа суперсолдат каких-нибудь, а Пурген – это неудачный эксперимент.

При мысли о том, что монстр – результат эксперимента, мне даже совестно немного стало.

«Извини, братишка, за такое прозвище, – бросив взгляд в сторону, где он должен обитать, мысленно попросил я у него прощения, – но ты реально страшный!»

Понимаю, что вскоре сам могу таким вот Пургеном стать, но прозвище в голове уже сложилось, и мне только так о нём и думается. Но, судя по его поведению, ему, я так думаю, уже всё равно, как его называют. Чего-чего, а мозгов там точно уже не наблюдается.

Но это ладно, сейчас в другом нужно разобраться!

Что это за мужик, знахарь который? Руками машет вокруг тела и, видимо, не просто так машет. Экстрасенс?

Ещё те двое «броненосцев» в городе меня иммунным назвали. Но это, я так понимаю, к тому туману иммунный. Не зря он химией вонял. И... Точно! Дед Витя – он на здоровье обычно не жаловался, крепкий старик был. Как и баба Оля – шустрая старушка, но вдруг склерозом стала страдать. Я кинул подозрительный взгляд в сторону камеры Пургена. Этот тоже, кажется, о себе ничего не помнит, даже говорить не может, только урчит страшно и жрать хочет. И пофиг ему, что и кого жрать...

– Твою же мать! – Если и была какая сонливость после столь плотного обеда, то в этот момент её смыло пробравшим меня от затылка до пят холодом. – Нет! Нет! Нет! Ну бред же, да? – уставился я на стену напротив, не видя там ничего: перед глазами встала картина, как вдалеке на улице несколько человек, наклонившись к асфальту, что-то непонятное делают. А потом ещё и тот крик жуткий...

– Не режут, а как будто живьём кого-то жрут, – прошептал я помертвевшими губами. – Зомби!

Получается, вот к чему я иммунный, а остальные все с простреленной головой остались валяться. Правительство не будет церемониться... Да оно и не церемонится, судя по количеству виденных мной трупов. Как в фильме, ещё и стену вокруг нашего города построят и будут чёрт-те чем там заниматься.

Поселившиеся в голове мысли никак не желали её покидать. Снова о родителях подумалось: даже если они иммунные оказались, то оба близко с заражёнными сталкивались и... Ужастиков я немало посмотрел, так что даже представлять не нужно, что с ними за это время могло произойти.

Я встал с кровати и, уже не обращая внимания на состояние тела, принялся туда-сюда ходить, решая, что делать. Ясно, что дёргать отсюда нужно. Но вот как это сделать? Тут, к сожалению, не кино, и я пластиковой вилкой не смогу сначала ошейник снять, а потом и явно бронированную дверь открыть. Это уже не говоря о том, чтобы с таким грозным оружием «броненосцев» всех перебить и к выходу прорваться.

Своими метаниями по камере я, наверное, наблюдателей всполошил, и они решили меня отвлечь: подняли разделяющую нас с Пургеном стену.

Но я на это даже не обратил внимания, погружённый в свои мысли.

– Достал урчать! – Вот и вся была моя реакция на попытки монстра ко мне прорваться.

Вызверился я на него и снова туда-сюда ходить принялся. Но Пурген, зар-раза, когда я к нему приближался, совсем уж мерзко рычать начинал, так что я прекратил забег и упал

на кровать спиной к монстру. Уже в таком положении я продолжил перебирать разные, даже самые фантастические варианты, как отсюда сбежать можно. И понимал: никак! Из обычных-то тюрем сбежать не всегда могут более опытные в этом деле сидельцы, а тут я... Ни разу не Мила Йовович!

Пурген не унимался, и я, чтоб его не так слышно было, вытащил из-под себя одеяло и накрыл им голову, прижав ткань к уху рукой.

Не знаю, сколько я ещё так думы думал, но в итоге под мерзкие урчания соседа я заснул. И проснулся только на следующий день, из-за лязгнувшей замком двери и равнодушной команды «броненосца»: «Встать!»

Несмотря на паршивый сон, где меня сначала Пурген, а потом и «броненосцы», лязгая доспехами, гоняли по слабо освещённым коридорам, а уже под утро Котыч, противно урча, из кустов вылезал и тоже за мной гонялся – проснулся я вполне себе отдохнувшим, пусть и со слегка тяжёлой головой.

Я выпутался из одеяла, вскочил с кровати и по молчаливой команде «броненосца» – тот рукой мне указал – поднял вчерашний поднос и обменял его на сегодняшний с едой; заодно и флягами махнулись, я получил новую суточную норму бухла. И только тогда, когда дверь снова лязгнула, и я остался один – до меня дошло, что ничего не болит.

Осторожно пошевелился туда-сюда: действительно не болит.

– Не соврал знахарь, когда говорил, что я сегодня здоров буду, – припомнил я этот момент доклада профессору.

Я поставил поднос на кровать и первым делом из вновь выданной фляги напился, так как сушило меня прилично. Но это был единственный дискомфорт, который в теле ощущался. Я быстро скинул куртку и майку, принялся осматривать себя – и не поверил увиденному. Кожа только кое-где имела желтоватый оттенок, а все вчерашние сине-чёрно-багровые гематомы бесследно исчезли. С лицом тоже было все в порядке – синяки из-под глаз и шишки на лбу куда-то делись, а челюсть вполне себе нормально двигалась.

– Нефиговые тут у них лекарства! – пробормотал восхищённо я, продолжая ощупывать себя. – И когда только вкололи?

Не, когда вкололи-то – ясно, что во время осмотра; как и успокоительное, наверное. Всё же я вчера довольно долго на столе у вивисекторов пролежал в непонятном таком состоянии. Но там или успокоительное мне дали, или тупо психика не выдержала, что я словно отрубился, оставаясь при этом в сознании. Очень смутно помню, что они со мной делали. Очнулся, когда тот хрен с руками надо мной ими уже размахивал. Вот с того момента всё помню... почти. Как в камеру вели, снова смутно в голове отложилось. Странные такие провалы.

Я сбежал к белому другу, с трудом заставил себя спиной к Пургену повернуться: хоть стена сейчас и в наличии была, но я ожидал, что она вот-вот поднимется, и тот монстрила опять к моей тушке свои загребущие лапы потянет.

Но нет, дали спокойно и в туалет сходить, и умыться. Котыч тоже не докучал, так что я спокойно поел, на свежую голову обдумывая всё произошедшее. И понимая, что ничего я не понимаю, кроме того что нахожусь в какой-то секретной лаборатории, и у них есть супер-лекарство, которое за ночь может полутруп на ноги поставить.

– Или не лекарство? – замер я, так и не сняв крышку со стакана с чаем.

Знахарь же говорил, что я способен сам себя вылечить. И на меня уже уколы со снотворным слабо действуют, поэтому их и не стали больше колоть.

Шоу для меня никто бы не стал разыгрывать, так что всё, что тогда говорилось в отношении меня, стоило принимать на веру. Хотя и с трудом получается это делать, но, похоже, меня не только буцкали все эти дни, но и провели какой-то эксперимент, и в итоге я, типа, целителем стал, смогу людей наложением рук лечить и воду как-то там заряжать, чуть ли не освящать её.

– Мать-мать-мать! – сорвал я крышку со стаканчика и в пару глотков его опустошил, благо он снова не горячий был. – Сегодня же меня должны начинать как-то эмоционально подготавливать, – вспомнились мне распоряжения профессора. – А через десять дней – второй этап эксперимента. Значит, первый точно был, пока я в отрубе валялся.

Я бросил пустой стакан на поднос и подошёл к стеклянной стене, за которой Пурген обитал. Я смотрел на отражение, видел там своё обычное, никем не разукрашенное лицо и думал, увижу ли я его снова через десять дней или в стекле будет кто-то вроде соседа отображаться?

Настроение, поднявшееся из-за хорошего самочувствия, рухнуло вниз, и я со страхом стал ожидать тех, кто там придёт меня эмоционально настраивать.

– Дождался, мать вашу! Как же больно. – Вечером я пытался подняться с пола под хохот Котыча, стена к которому была поднята, и он наблюдал весь процесс моей «настройки».

После нескольких неудачных попыток я решил пока не дёргаться, а полежать и подумать, не обращая внимания на придурка, продолжающего поливать меня оскорблениями.

Что именно эти твари бронированные имели в виду, когда метелили меня и приговаривали, чтоб я не просто захотел, а Возжелал – именно так, с большой буквы возжелал, – чтобы их удары не наносили мне никакого урона? Как это?

За последующие десять дней я так и не смог в этом разобраться. Били меня нежно – ни разу кровь не пустили – но со знанием дела: очень и очень больно. Но вот со своими настройками они промахнулись, и боль эта у меня всё чаще начала ассоциироваться не с их словами, а со смехом Котыча, которого я, вот тут уж точно, возжелал, как они и хотели.

Возжелал убить!

* * *

К концу десятидневного срока я уже ничего не желал, меня накрыла полная апатия.

– Встать!

Несмотря на то что от вчерашних вечерних побоев не осталось и следа, вставал я медленно и неохотно. Голова за эти дни до такой степени отупела, что там даже мысли с трудом ворочались.

Молча, уже не пытаюсь, как в первые дни, задавать вопросы этим молотильщикам, я обменял пустой поднос на полный и, дождавшись, когда они выйдут, принялся совершать уже привычные каждодневные ритуалы. Первым делом глотнул наркоты. . . Да-да, именно наркоты, на которую меня, как оказалось, посадили. Но об этом чуть позже. А пока, сидя на унитазе, я безразличным взглядом наблюдал за Пургеном, который пытался до меня дотянуться. Для него это уже тоже был каждодневный ритуал. И если поначалу он вполне соответствовал своему прозвищу, то теперь я привык к нему, и он на меня уже не действовал, как в своё время перестало действовать и снотворное.

Целитель, хера там, быстро ко всему привыкаю, вот только к звиздюлям не привыкну никак.

Вставая я, тоже уже привычно, хлопнул Пургена по лапе, мелькающей недалеко от моего лица, отчего Пурген сначала взвыл, а потом втянул лапы в свою камеру, ухватился ими за толстые прутья решётки и в истерике принялся исступлённо их трясти. Почему я думаю, что в истерике? Так у него урчание в этот момент не привычно-мерзкое горловое, а визгливое становится. Видно, что истерит.

Я сполоснулся и после душа уже принялся за завтрак, он же обед и. . . нет, на ужин у меня звиздюлины и наркота, так что сейчас я только завтракал и обедал.

На пятый день своего здесь пребывания я, видимо, чересчур сильно по голове получил, что, чуть оклемавшись от побоев и с трудом встав на ноги, поплёлся к кровати, возле которой на полу заветная фляга и валялась. Рефлекторно я её подхватил и уже, открутив крышку,

поднёс ко рту, когда уловил привычный миндальный запах и замер. И задумался: а что это за напиток, который мне приходится несколько раз в день по чуть-чуть пить? Раньше не приходило в голову: помогает от жажды – и ладно; а тут, после очередной выдачи звиздюлин, задумался я. Ну и решил попробовать отказаться от него, хоть какой-то протест выразить.

Вот так. Вечером ещё нормально заснул, и утром проснулся от жажды, а не как обычно в последнее время – от команды «Встать!». Решил и дальше терпеть. Должно же хоть что-то у меня получиться? А то, как я ни пытался «броненосцев» разговорить, не получилось. Попытался сдачи им дать – так мало того, что руки отбил, ещё и выхватил сильнее обычного. Котыч в тот момент в полнейшем восторге был. Выхватил я прилично и решил подлечить себя – я же вроде как целитель, – но и тут неудача ждала. Без моего участия всё и так быстро зажило.

Так что жажду я решил перетерпеть во что бы то ни стало. Целый день глушил её простой водой, заливаясь ею в нереальных количествах, а чуть погода сливая под завывания Пургена за спиной. К вечеру облегчения не наступило, стало только хуже. Простая жажда превратилась в Жажду! И именно тогда я, уже мало что соображая, Пургену в первый раз по лапам и наступал, а то он, зараза, меня чуть не ухватил.

Вечером я, как обычно, выхватил звиздюлин от «броненосцев» с наставлениями возжелать. И когда они ушли, я действительно возжелал – быстрее к унитазу добраться, поскольку жидкость особенно сильно наружу попросилась. Вот тогда меня и штормануло неудачно: не отошёл ещё от их наставлений, ну а монстрила, взревев от восторга, тут же когтями по моей спине и прошёлся. И так после очередного «массажа» «броненосцев» всё тело болело, жажда с ума сводила, а тут ещё и эта падла... В общем, сорвался я, взревел не хуже своего соседа и принялся его метелить, правда, только по лапам – сквозь решётку, чтоб до его морды добраться, тянуться не стал. Но и так пар спустил, и даже Жажда в простую жажду превратилась, что я, добравшись до кровати, даже заснуть умудрился, ненадолго.

Проснулся я от ЖАЖДЫ и из-за того, что меня трясло, как эпилептика. Суставы выкручивало так, что куда там бронетушам с их нежными бронированными кулаками. Я даже взвыть от боли не мог: рот перекосило и в таком положении парализовало.

Думал – всё, сдохну!

Брешу, ничего я в тот момент не думал. Даже о заветной фляге не вспомнил, боль и ужас накрыли с головой.

Я не видел, как открылась дверь; и как в камеру влетели «броненосцы» и навалились на меня, пытаясь удержать на месте – этого тогда я тоже не чувствовал. Следом за ними заскочил лаборант и, ругаясь на охранников, попытался крови у меня откачать. И даже каким-то чудом у него это вышло. Потом уже они втроем меня из фляги напоить пытались, и пусть кое-как, но у них это тоже получилось.

Трясун прекратился, и навалилась просто невероятная слабость после очередной дозы наркоты. Перед тем как окончательно отрубиться, я почувствовал, как мне, массируя горло, снова её вливают.

Проснулся я от прозвучавшей немного по-другому команды:

– Встать, придурок!

Слабость во всём теле была такая, что я с кровати еле соскрёбся, да ещё и чуть не грохнулся от удивления, когда за пустым подносом наклонялся, так как увидел, что руки у меня, да и не только руки, в уже засохшей крови.

Откуда это и что случилось, пока я спал?

Но долго удивляться мне не дали, недовольно скрипнув подошвой ботинка перед носом. Намёк был понятен даже для моих туго соображающих мозгов, так что я поспешил поднять пустой поднос, а потом еле удержал полный, теперь уже удивляясь своей слабости: он в тот момент показался мне невероятно тяжёлым.

С трудом я дошкандыбал до кровати и с недоумением уставился на мелькнувшую мимо меня и упавшую на кровать флягу.

– Суки! – затем я услышал, как за спиной дверь лязгнула. – Наркомана из меня сделали!

С ненавистью я смотрел на флягу, так как вспомнил, как мне ночью погано было. А тут и жажда о себе напомнила, пусть пока ещё и слабенько, но я поспешил погасить её в зародыше, так как понимал, что ещё раз всё это пережить я не решусь.

– Наркоша конченный, – прошептал я потерянно после того, как пару глотков сделал.

Вот с того момента я в истукана и превратился: подъём, забрать поднос, посетить уборную, приветливо стукнуть по лапе Пургена, умыться, наркота и завтрак. Упасть на кровать до вечера. Подъём, ужин звидюлями, приправленный словесными помоями Котыча, внимательно выслушать «броненосцев», что я должен Возжелать, покивать в ответ согласно. Наркота. Спать. Подъём...

* * *

Сегодняшний день поначалу ничем не отличался от предыдущих. Я поел, убрал поднос, но не успел завалиться на кровать, как дверь снова отворилась, и последовала команда: «На выход!»

Я на миг в ещё больший ступор впал от неожиданности, но потом даже слегка обрадовался: хоть какое-то разнообразие. Пospешил выйти из камеры.

Радовался, правда, я недолго. Быстро сообразил, что ведут меня в лабораторию, и понял, что время второго этапа эксперимента подошло. Вот тут-то меня мандраж и пронял, на тело такой трясун напал, что когда к шлюзу в лабораторию подошли, я уже шёл с трудом, ноги подкашивались. Почему-то я не сомневался, что обратно уже кем-то наподобие Пургена выйду.

Как только я осознал это, так сразу же сделал рывок назад, попытался между конвоирами проскочить, но те играючи меня поймали – видимо, ожидали чего-то подобного. И что удивительно, даже бить не стали, а, подхватив под руки с двух сторон, так в лабораторию и внесли. Там меня лаборанты в свои загребушие лапы приняли и, как и в прошлый раз, первым делом раздели, чему я уже не сопротивлялся: состояние полнейшего безразличия снова овладело мной. И я уже не обращал внимания на знакомый мне томограф или что-то на него похожее; меня снова к столу привязали и принялись надо мной колдовать... Очнулся я от резкого запаха в носу. Дёрнул головой в сторону и успел увидеть, как лаборант вату, смоченную нашатырём, выбрасывает.

Испуганно осмотревшись по сторонам, я заодно понял, что голова не привязана, как и торс, впрочем, только руки-ноги ремнями к столу притянуты. Вокруг меня четыре человека суетились. Вернее, трое: один лаборант возле слева стоящего прибора что-то делал, в тот прибор из меня сначала кровь выкачивали, а потом обратно закачивали, только уже в другую руку. Справа ещё один хмырь уже возле другого агрегата возился: изучал показания от наклепленных по всему моему телу датчиков. Знахарь не суетился, просто стоял, руки на груди сложив, и внимательно смотрел – не на меня, на того лаборанта, что мне нашатырь под нос совал. Он как раз поворачивался ко мне с маленькой коробочкой в руках. На неё-то знахарь и смотрел, если быть точным. Вот и я, после того, как убедился, что ничего нового у меня не отросло и видимых изменений вроде не заметно, сосредоточил на той коробочке своё внимание.

– Открой рот и глотай! – открыв коробочку и достав оттуда белую круглую таблетку, лаборант поднёс её к моему рту.

Рот я открыл, только не для того, чтоб предлагаемую таблетку проглотить, а...

– Ха... Ха-ха... Ха-ха-ха! Ха-ха-ха-ха-ха! – на меня напал истерический смех. – Нео... Ха-ха-ха. Глотни таблетку... Сон, да? Сон? Я проснулся? Ну конечно...

Мою истерику быстро прекратил знахарь: вlepил пощёчину, а потом обхватил ладонями мою голову и... Не знаю, что он сделал, но меня как будто ветерком прохладным обдало, и я стал полностью спокоен, с кристально ясным сознанием.

– Глотай... таблетку, – споткнулся он на этом слове. Видимо, как-то по-другому она называлась, но мне не следовало этого знать. – Тебе ничего не угрожает, даже на пользу пойдёт.

За всё это время в первый раз со мной нормально заговорили, так что я не стал выделяться, только...

– Ну да, на пользу, как и Пургену оно пошло, – криво усмехнулся я и, понимая, что сопротивляться бесполезно, открыл рот, в который лаборант тут же этот белый шарик и закинул, поддержав мне голову, и даже дал воды запить. После чего он торопливо подошёл к своему коллеге слева, неподвижно замершему над аппаратом, который мою кровь через себя гонял.

Не знаю, чего я ожидал, но ничего особенного не происходило. Только раз показалось, что в животе потеплело, но быстро прошло. И сколько бы я к себе ни прислушивался, ничего такого необычного больше не заметил. Но если это был эксперимент, то он, по ходу, уже закончился, так как лаборанты отлипли от своих приборов и принялись датчики снимать и иголки из меня вытаскивать, замазывая места уколов каким-то гелем, выдавленным из тубика.

Когда взялись за ремни, то в лабораторию заявили «броненосцы». В этот раз они не стали меня подгонять, а терпеливо ожидали, пока я оденусь, и одновременно выслушивали наставления знахаря.

– С ним тоже переходим ко второму этапу, – кивнул тот в мою сторону. – Уже готов. Так же, как и номер четырнадцать, его тоже на прогулку – им сейчас полезна смена обстановки, свежие эмоции.

Мои основные мучители молча кивнули, отвернулись от знахаря и уставились на меня своими тонированными визорами, явно поторапливая. Но я был уже готов, оделся и гадал теперь: что за второй этап, куда на прогулку, что за номер четырнадцать, и какой тогда я номер.

Гадать недолго осталось, я понял это, когда мы мимо моей камеры промаршировали и спустя несколько минут зашли в явно грузовой лифт. Он был такой же здоровый, как и коридоры, но если по тем на машине можно было проехать, то здесь ещё и развернуться места хватило бы. Хотя на это я почти внимания не обратил, разве что мыслишка проскочила: «Почему на грузовом поднимаемся, нет, что ли, маленького, пассажирского?»

Но как проскочила, так и улетучилась, не задержавшись. Сейчас меня больше волновало то, что на часть вопросов вскоре будут ответы, и что-то я очень сомневался, что они мне понравятся.

Недолго мы поднимались, затем створки с шипением открылись, и что удивительно – на четыре стороны сразу. Мы оказались в огромном ангаре. Это дело я только краем сознания отметил, полностью сосредоточившись на стоявшем напротив лифта вертолёте, к которому меня толчком в спину и направили.

Хищный красавец чёрного цвета, явно военный, так как видно, что бронированный и имеет подвески с ракетами. Я, конечно, не специалист и не великий знаток, но таких вертолётов ещё не видел. Как не увидел и каких-то опознавательных знаков на нём: ни номеров, ни символов принадлежности к какому бы то ни было государству – ничего.

– Оп-па! Нафания, – услышал я ненавистный голос, стоило только внутрь вертолёта забраться. – Нафания будет летать...

– Заткнись!

Видимо, не только меня дрессировали, но и Котыч таким процедурам подвергался, так как стоило только забравшемуся следом за мной «броненосцу» осадить его, как он сразу же и заткнулся, опустив голову.

– Садись напротив него! – подтолкнул меня к сиденью все тот же «броненосец».

Я сел напротив Котыча и сидящих рядом с ним пары близнецов моих сопровождающих, таких же «броненосцев». Котыч же, послушный мальчик, глаз так и не поднял, продолжал пол разглядывать. Будет чем его потом заткнуть.

Мой «нянька» чем-то щёлкнул и опустил с потолка специальное рамное крепление, которым меня и зафиксировал, прижав к спинке сиденья. Во всяком случае, попытался, так как размеры этого фиксатора явно не на такого, как я, были рассчитаны. Вот на них, одетых в броню – да, в самый раз. Но он не обратил на это внимания, отошёл к кабине пилотов, где второй мой «нянька» уже расположился, и, сев возле него, замер, как и двое сопровождающих Котыча.

Никаких тебе разговоров ни о чём: ни шуточками переброситься, ни подопечных обсудить. Киборги, блин. Я только и узнал, что номер четырнадцать – это, скорее всего, Котыч, ну и то, что вертолёт у них такие, каких я ещё ни разу не видел.

Ну и ещё я скоро узнаю, что за свежие эмоции от прогулки мне знахарь напророчил. Где она будет проходить, не угадаешь, так как в вертолёте нет иллюминаторов: куда летим, в какую сторону – непонятно. Но, блин, насмотревшись разных ужастиков, я так и представлял свой город, окружённый высокой стеной, за которой толпа зомби бродит. От таких эмоций я бы с большим удовольствием отказался, но от меня уже ничего не зависело. Скажут гулять там, дадут пинка направляющего и вдогонку напомнят, чтоб не забыл возжелать, чтобы не только удары не наносили мне никакого урона, но и зомби этого урона нанести мне не смогли другими методами.

Но вот как это мне поможет, даже если я возжелаю? Не понимаю. Не понимаю, как можно возжелать то, чего не понимаешь. Долбанные психологи, не могут нормально всё объяснить, обязательно мозги ломать нужно.

– Просыпайся! На выход! – выдернула меня из моих размышлений прозвучавшая над головой команда.

Оказывается, мы уже приземлились.

Глава 4

Первыми из вертолѐта выбрались сопровождавшие меня «броненосцы». Следом за ними, задержав дыхание от волнения, последовал и я, не обратив никакого внимания на снова осмелевшего Котыча, уже не в пол, а на меня злобным взглядом пялящегося. Но только на это его храбрости и хватило, голос подать он не решился.

– Фух! – вырвался из груди вздох облегчения: не к моему городу прилетели.

Никакого города вблизи вообще не наблюдалось. Прилетели мы к небольшому посёлку, в нескольких местах только трёхэтажные многоквартирные дома виднелись, остальные все были частные одноэтажки, утопающие в зелени садов.

Я вздохнул полной грудью с облегчением – мои опасения не подтвердились. Затем отошёл метров на десять от «вертушки» и замер, наслаждаясь солнцем, голубым небом с плывущими по нему облаками и свежим ветерком... Я даже и не думал, что камера на меня так угнетающе влияет. Знахарь прав оказался насчёт эмоций, только приуменьшил немного. Это не просто новые эмоции – это взрыв эмоций, которыми я дышал и не мог надышаться.

Не знаю, сколько я так простоял, но в один момент понял, что что-то не так. Какой-то дискомфорт ощущается. Повёл носом, принюхиваясь, и почувствовал, что ветерок ни разу не свежий, а доносит не совсем приятные ароматы.

Разобраться, что за запах унюхал, не дали наши сопровождающие. Если в первые мгновения они не мешали мне, да и Котычу тоже – он, не менее довольный, чуть в стороне от меня замер, – то, как только заметили, что я отмер и начал признаки сознания демонстрировать, сразу же принялись портить мне такое замечательное настроение. Сначала броненянька дал мне сделать пару глотков наркоты из своей фляги – а то моя в камере осталась, – а потом провёл инструктаж:

– Твоя задача спрятаться в этом посёлке, – забрав флягу, заговорил он со мной. – За его пределы выходить запрещено, ошейник накажет. Но можешь попробовать. – И добавил непонятно: – Все вы пробуете. – Но кто именно «все», не уточнил, продолжил инструктаж: – Если в течение двух часов тебя найдут, то вспомни о том, о чём тебе неоднократно говорили: «Ты должен поверить и не только поверить, но и возжелать этого. Никто и ничто не может нанести тебе никакого урона». Помни это! Желай этого! – Даже эмоции прорезались в обычно безэмоциональном голосе «броненосца», когда он это говорил. Но закончил он речь снова своим обычным тоном: – На то, чтоб спрятаться, у тебя есть пятнадцать минут. Время пошло!

* * *

Наблюдая, как дикарь, он же подопытный номер пятнадцать, после небольшого ступора, вызванного его словами, взяв с ходу приличный темп, побежал к посёлку – тот, кого пятнадцатый называл «броненосцем», по внутренней связи обратился к своим коллегам:

– Вот и кончились спокойные деньки!

Когда их прикрепили к этому проекту ученых, они, наловив требуемое количество дикарей, дальше просто отдыхали. Не называть же работой утреннюю кормёжку подопытных и вечерние процедуры, когда некоторых номеров нужно было избить сильно и больно, но при этом не покалечить – ну, и произносить во время этого дела написанную психологами речь, чувствуя себя идиотом.

А кем ещё можно себя чувствовать, когда избиваешь безразличный ко всему кусок мяса? Пятнадцатый, тот хоть в первые дни пытался их разговорить, а потом и сдачи дать и этим хоть как-то их мотивировал. А восемнадцатая? Пусть дикарка, но красивую девку избивать, когда она совсем не сопротивляется – тут вообще... Но, может, психологи и правы: если номер

пятнадцать в итоге стал ко всему безразличным, то она безразличность только изображает. На записи потом видели, каким ненавидящим взглядом она их провожает. Тоже, наверное, вскоре драться на них кинется.

Перед сегодняшним вроде бы простым делом психологи их больше часа инструктировали. Даже то, что он этого слизняка-четырнадцатого одёрнул в вертолёт, ими было спрогнозировано. Это действие должно было ещё больше разжечь ненависть к пятнадцатому – соответственно, с ещё большим желанием четырнадцатый станет его искать. Ну а когда не найдёт – последует наказание. И, по прогнозам, после этого наказания у него должна пробудиться запланированная профессором сверхспособность.

Как только пятнадцатый скрылся из виду, мужчина, включив наружный микрофон, принялся инструктировать четырнадцатого:

– Пришла пора на практике доказать то, к чему ты всё это время серьёзно готовился. Твоя задача... Как ты там его называешь – Нафания? Вот этого домового ты и должен сейчас будешь найти. Если не справишься, накажу.

Котыча передёрнуло. За всё это время его только один раз серьёзно «наказали», но этого ему хватило выше крыши. Наблюдая, как каждый день «наказывают» Нафанию, он радовался, что это не с ним происходит. Но при этом его ненависть к Ботану только росла, так как тот после каждого избиения поднимался на ноги, в то время как сам Котыч тогда почти час валялся, даже пошевелиться не мог. А этот... Этот грёбанный домовый, похоже, вообще кукухой поехал: его дубасят, а он с отрешённым видом валяется, как будто ему тупо пофиг, что его дуболомы буцкают. А после того, как те закончат и уходят, он с таким же безразличным видом встаёт, идёт умывается и, как будто вообще ничего не произошло, спокойно спать заваливается. Ну, и самое главное, за всё это время в момент экзекуции Нафания не проронил ни слезинки, а Котыч... Он, когда его били, – сломался, умолял не бить его, говорил, что он на всё согласен, всё для них сделает...

Вот и пришло время делать. До этого ему только внушали, чтобы он настраивался стать ищейкой, должен всегда находить того, на кого укажут. Вот и указали, и от этой цели у него внутри всё в предвкушении запело, ведь при удаче ему пообещали какую-то награду, при этом толсто намекнув на бабу.

Да он...

– Пошёл! – Бронированный чел сбил его с мысли: пятнадцать минут после ухода Нафани прошли, и наступила пора его найти.

* * *

Как только до меня дошло, что нужно делать, и что на всё про всё у меня всего пятнадцать минут, то я сразу же сорвался с места. Припустил в сторону посёлка, до первых домов которого метров сто пробежать нужно было. Вертолёт сел на небольшом холме перед огибающей посёлок асфальтированной дорогой, и хоть дома в зелени утопали, но этой небольшой возвышенности мне хватило, чтоб осмотреться и наметить, куда бежать и где спрятаться. И спрятаться желательнее получше, так как очень мне не понравились напоминания о «возжелать», отчего и я рванул с приличной скоростью, чтобы как можно дальше успеть убежать за опущенное мне время.

Но как только я миновал первые дома, то резко сбросил скорость, а потом и вовсе шагом пошёл, настороженно по сторонам оглядываясь. Трупы. Чем дальше я шёл, тем их больше становилось, и от их вида я с трудом сдерживался, чтоб не проблеветаться. Целых почти не было: прилично обглоданные, но уже хорошо подсушенные солнцем тела валялись тут и там. Сразу стало ясно, что за запах ветер до меня у вертолёта донёс: тут он ощущался особенно сильно. Но всё же не так сильно, как если бы они свежие были – я бы тогда лучше звиздюлей выхватил,

чем по этому могильнику шляться. Но, поборов тошноту, всё же двинулся дальше, так как до меня только сейчас дошло, кто меня искать будет. Не зря нас с Котычем сюда только вдвоём привезли, а перед ним я свою слабость не покажу.

Добравшись до ближайшего перекрёстка – улицу, по которой я шёл, пересёк узкий проулок метра два шириной, – я тут и решил спрятаться, так как смысла бежать к трёхэтажным домам уже не видел никакого. Несмотря на первоначальный шок от вида трупов, голова сейчас заработала кристально ясно, а от преследовавшей меня в последние дни апатии не осталось и следа.

Я забрался на деревянный забор и оттуда сверху осмотрел приглянувшийся мне двор: небольшой участок сада, за ним дом, слева сарай и проход между домом и сараями на задворки. Трупов нет. Но калитку нужно...

Я буквально рухнул с забора во двор, так как в начале улицы Котыч показался.

«Уже пятнадцать минут прошло?» – я так неслабо удивился. Видимо, на трупы пялился и с тошнотой боролся я дольше, чем думал. Ну что ж, будем надеяться, что Котыч меня не заметил: там как раз первый труп валяется, есть на что ему отвлечься.

Спрятался я в углу под яблоней: сюда если специально через забор не заглядывать, то с улицы меня не увидят. Тут угол двора сплошным забором огорожен. Это чуть дальше, как раз напротив малины, забор понизу сплошной, а поверху планки через одну расположены. Вот сквозь этот штакетник почти вся передняя часть двора и просматривается, показывая, что меня здесь нет. Даже если в открытую калитку зайдёт кто, то заросли малины не дадут меня увидеть, а тщательно обыскивать каждый двор... тут явно побольше, чем два часа, понадобится.

Вот этот срок меня сейчас и озадачил. Не то чтобы я Котыча жалел, но мне кажется, ему изначально невыполнимое задание дали. Но, как я уже давно догадался, наши тюремщики любят такие вот «невыполнимые миссии» давать.

– Вот придурок! – пробормотал я еле слышно.

Чуть самого не стошнило, когда Котыча сквозь зазор в заборе увидел. Тот сначала настороженно стороной обходил трупы, а потом расхрабрился. В очередной раз убеждаюсь, что он больной на всю голову ублюдок: вот так походя он взял и пнул очередное попавшееся на его пути тело. Кому и что он этим пытался доказать, не знаю, но наказание последовало сразу же. Кожа недоеденного и подсушенного на солнце мужика от удара треснула, и тело тут же взорвалось «ароматом» разложения, а Котыч, не ожидавший такой подлянки от мёртвого, согнулся в сильнейшем приступе рвоты.

Блевал он долго, на полусогнутых удаляясь от потревоженного им трупа. По пути Котыч чуть не наступил на другой, но сквозь слезящиеся глаза всё же сумел его как-то разглядеть и, резко качнувшись в сторону, по большой дуге обошёл, приближаясь при этом ко двору, в котором я и прятался.

Проблевался. Отдышался. А потом, вытерев рукавом куртки рот, он...

– Нафа-аня, тварь!.. – заорал что есть мочи. – Слышишь меня?

«Ну да, что мозгов у тебя в голове совсем не осталось, это я виноват, – хмыкнул я на это. – И мог бы так громко не кричать: не только слышу, но и прекрасно вижу твою зелёную морду».

– Домовой недоделанный, я же всё равно тебя найду.

«Ну так ищи, я вот он, рядом! – уже чуть ли не в голос хмыкнул я насмешливо. – Какого чёрта орать-то так?»

– Знаешь, что мне за это пообещали? – продолжал Котыч разоряться. – Мне бабу пообещали! Бабу, ты понял? Но вместо неё я тебя попрошу мне отдать! И станет Нафания девочкой. Ха-ха-ха! Нафания – девочка!

А вот этим он меня пробрал.

Да пошли они все, вместе с этим три-два-разом заднеприводным, в задницу! Услышал, как он ржёт, и у меня чуть крышу не сорвало, я с трудом сдержался, чтоб сразу же через забор не сигануть.

Остановило то, что вслед за злостью в душе почти сразу же полыхнуло просто невероятной радостью. Все эти дни я его словесный понос выслушивал, не имея никакой возможности ничего ему сделать. Он за решёткой себя в полной безопасности чувствовал, а вступать с ним в перепалку... Я себя не на помойке нашёл, чтоб такие гадости изрыгать.

И вот – упустить такой шанс... Да я даже не раздумывал!

И пофиг на обещанные мне звиздюлины, всё равно ими меня каждый вечер кормят, так что за предоставленный шанс на одну порцию больше получить не жалко.

Так, «броненосцы» от Котыча метрах в двадцати сзади идут, держа оружие наготове, и явно чего-то опасаются. Но опасаются точно не меня, так как, уверен, знают, где я прячусь. Ошейник им сто пудов докладывает, но они даже поворотом головы не выдают этого знания. Опасаются они, скорей всего, того, кто после себя столько трупов оставил. Кого-то наподобие Пургена, на что следы зубов на некоторых телах намекают. Но опасность эта, выходит, не настолько сильная, раз они этого продолжавшего ржать придурка не затыкают.

Тут этот извращенец, всё так же продолжая ржать, настолько улетел в своих больных фантазиях, что предложил мне самому сдохнуть, добровольно присоединиться к местным, так как если он меня найдёт, то я ничем от них по внешнему виду отличаться не буду:

– Сдохни сам, Нафаня!

Пора начинать, а то он уже почти до самого перекрёстка дошёл.

Подобрав камень с детской кулак размером – таких тут много под забором сложено было – я кинул его за угол, в проулок, где он, видимо, в траву упал, судя по раздавшемуся глухому стуку и шелесту. Но Котыч услышал, резко замолчал и с застывшей на лице безобразной ухмылкой чуть присел, расставив руки в стороны, как будто уже готов был меня ловить, и, наклонив голову к плечу, прислушался.

«Да он, похоже, головой действительно тронулся при виде такого количества трупов...» – оценил я его внешний вид, до такой степени он отвратный был.

Дальше думать некогда стало. Котыч долго прислушиваться не стал: всё так же на полу-согнутых, но довольно быстро, рванул в проулок. Я тоже подорвался и, чуть пробежав по двору, с разгона заскочил на забор.

Вот он, падла!

Котыч в метре от меня стоял, снова прислушиваясь, и в этот момент как раз оглянулся на издаваемый мной шум, начиная радостно улыбаться и готовясь что-то произнести. Но улыбка застыла, не успев сформироваться, и он только и успел, что рот от удивления открыть, как я на него сверху обрушился, сбивая с ног и падая сверху.

А дальше, пока бронетуши не появились... Кто бы знал, какое я наслаждение испытал, впечатав кулак в его ненавистную рожу. И ещё раз! И ещё! И ещё...

Короткий разряд шокера не дал в очередной раз занесённый кулак опустить. Тряхнуло хорошо, сразу парализовав все мышцы. Одно порадовало, что тряхнуло не только меня, но и Котычу, на котором я продолжал сидеть, держа его одной рукой за горло, тоже досталось.

– Отойди в сторону, – послышался сзади голос моей броненосной няньки. Он сегодня все команды подавал и инструктаж проводил, так что голос его запомнился.

Не став выпрашивать лишнего, я с трудом поднялся и, глянув на окровавленную морду Котыча, довольно улыбнулся. Только после этого я отошёл в сторону и уже там, прижавшись спиной к забору, принялся отходить от разряда. Заодно я настраивался «возжелать», так как был уверен, что сейчас меня ещё и обещанными звиздюлями накормят.

Ошибся. Очень приятно ошибся.

Не обращая на меня никакого внимания, один из «броненосцев» подошёл и навис над Котычем.

– Твоя задача была его обнаружить! – раздался лишённый эмоций голос.

– Но я его... – попытался Котыч оправдаться, размазывая кровавые сопли по лицу, а потом этой же рукой в мою сторону указывая.

– Обнаружить заранее, – не стал его слушать «броненосец», – до его на тебя нападения. Обнаружить, в какую бы дыру он ни надумал спрятаться! Ты должен, даже если не видишь его, всегда быть в курсе, где он находится. Ты не выполнил задания, так что, как и было обещано, будет тебе наказание.

– У-у-у! – после этих его слов Котыч взвыл и – откуда только силы взялись – резко подорвался и кинулся на меня.

Точнее, попытался кинуться, так как тут же от мощного пинка «броненосца» отлетел к другому забору.

* * *

Когда прилетели обратно, Котыча, в отличие от Нафани, в камеру не определили, а провели в лабораторию, где его частенько обследовали. В этот раз прогонять через разные аппараты не стали, а раздев, сразу закрепили на столе.

Пролежал он так около получаса, успев порядком замёрзнуть, но вот четверо лаборантов, до этого не обращавшие на него никакого внимания, подорвались со своих мест и замерли с разных сторон стола возле него.

– Тебе обещали наказание? – раздался вдруг довольно громкий голос непонятно откуда.

Котыч завертел головой – в этот раз её не привязали – и наткнулся взглядом на профессора. Видел его уже не раз, но ещё ни разу тот не обращался к Котычу напрямую. В этот же раз профессор, как и в прошлые разы, стоя за стеклом, смотрел прямо на него.

– Но я выполнил задание, – прохрипел Котыч.

– Не выполнил, – отрицательно чуть шевельнул головой профессор. – Я так понял из увиденного и услышанного, что для нормальной работы тебе то, что между ног болтается, мешает? Мы это исправим. Больше тебя ничего не будет отвлекать, – произнеся это, профессор замолчал, зато у Котыча голос прорезался.

Как он орал во время операции и как плакал после, когда ему продемонстрировали, что именно отрезали.

Он евнух!

Его уже отвязали от стола и обессиленного перекинули на каталку, и только тогда профессор снова заговорил:

– Четырнадцатый, ты меня слышишь?

Он несколько раз повторил этот вопрос, и только когда лаборант, схватив за волосы, приподнял голову подопытному, Котыч смог чуть кивнуть. Сквозь текущие слёзы он почти ничего не видел, только силуэт, но слышал хорошо, благо динамики, кажется, ещё громче заработали.

– Запомни то, что я тебе сейчас скажу! То, что тебе отрезали – это не окончательно. Если выполнишь, что от тебя требуется, всё можно будет восстановить. Надеюсь, ты уже понял, что мы обладаем неограниченными возможностями? Так что вернётся к тебе твой дружок или нет – зависит полностью от тебя.

До Котыча с трудом дошёл смысл слов профессора, зато когда дошёл... Слёзы мгновенно высохли, а глаза полыхнули чуть ли не потусторонним светом.

– Я выполняю! – прошептал он, и продолжал шептать, когда его уже вывозили.

Шлюзовая дверь закрылась за толкающими каталку охранниками, и в лаборатории снова прозвучал голос профессора, только теперь задумчивый.

– Хм, интересно! Может, и остальным всё лишнее отрезать для такой вот мотивации?

* * *

После той первой прогулки Котыча два дня не было видно, и я наконец-то смог отдохнуть от него. И не только от него: вечерние «наставления» мне тоже отменили, взамен начали полноценным ужином кормить. В первый вечер я ещё ждал какого-то подвоха, ведь не может же быть всё так хорошо; а потом расслабился, вернее, смирился, не стал лишний раз трепать себе нервы. Будь что будет, всё равно от меня тут почти ничего не зависит.

Тем более мне много чего обдумать нужно было, ведь ответов на многочисленные вопросы так и не появилось. Зато самих вопросов ощутимо прибавилось. Особенно один в голове постоянно вертелся: что, мать вашу, у нас в стране происходит?

Правительство что, вообще с катушек слетело и уже даже не скрывает следы своих экспериментов, испытаний или чёрт его знает, чем они там занимаются? Я, конечно, и раньше знал, что «небожители» далеки от народа, но вот так вот просто взять наш город, накрыть этим долбанным электрическим туманом и убить практически триста тысяч человек... Даже слов не было.

А тут ещё выясняется, что не только наш город пострадал: в том посёлке народ тоже не по своей воле друг друга на запчасти разбирал. И что самое поганое, эти экспериментаторы даже не скрывают своих преступлений, иначе давно бы тела с улиц убрали и организовали крупный пожар, от которого все те жители внезапно погибли бы. Так ведь нет, не боятся не только общественного, но и международного возмущения.

Хотя если нас захватили... Я прекрасно знаю, кому плевать на все те возмущения. А теперь они, не суетясь, летают на непонятно каких вертолётах и спокойно по местам своих преступлений расхаживают.

Но это так себе версия, уж легче в пришельцев поверить, которые нас за одну ночь захватили и теперь опыты над людьми проводят. И пришельцы эти ничем от обычных людей внешне не отличаются. Во всяком случае, я этих отличий не заметил. Разве что эмоций они особых не демонстрируют и как на кусок мяса смотрят, с которым ещё и общаться вынуждены.

– Я тебя убью... Найду и убью... Обязательно найду и обязательно убью... Я тебя найду... «Достал!» – уже чуть не в голос взвыл я от этого шёпота.

Вчера сразу после завтрака «обрадовали», подняли разделяющую нас с Котычем стену. И вот со вчерашнего дня он вот так и шепчет. Кричать и помой изо рта изрыгать перестал – в том посёлке, наверное, все раньше им произносимые ругательства выbleвал, теперь на шёпот перешёл.

– ...Найду... Обязательно найду... Куда бы ты ни спрятался, я тебя найду и убью...

Не только Котыч, но и я, как сюда попал, так совсем отупел. Видимо, наркота так действует. Иначе не пойму, что мне тогда в посёлке мешало побольше каменюку прихватить и сразу за всё с Котычем рассчитаться. Одним ударом все вопросы закрыть и не выслушивать теперь вот эти мечты маньяка. Но я хоть сейчас очухался, начал здраво рассуждать, а он...

Стоп!

Я даже замер, хоть и раньше лежал неподвижно, но теперь даже мысленно старался не спугнуть этого придурка.

Вчера, как стену подняли, я увидел его сидящим на кровати и уже шепчущим этот вот его бред. Даже жалко на миг стало: ещё подумал, что, видимо, наказали его сильно, раз окончательно головой тронулся. Но он, падла, шептал и шептал, шептал и шептал, и жалость моя уже к вечеру окончательно испарилась. Сейчас же в душе полыхала одна только лютая ненависть к нему.

Я специально на него внимания не обращал, лежал на кровати и ждал. И вот – дождался. Я чуть повернул голову и пересёкся взглядом с Котычем. И как только это произошло, так мне сразу и стало понятно, что от меня требовали «броненосцы», когда метелили и приговаривали, чтоб я поверил и возжелал.

Котыч – возжелал!

И судя по тому, каким безумием горят его глаза, можно сказать, что он именно возжелал!

Вот на кого настройка подействовала. В его взгляде ощущалась чистая неприкрытая ненависть и желание: желание до меня добраться, желание меня найти и убить. Прodelать именно то, о чём он вот уже два дня непрерывно шептал. Но в своём этом неконтролируемом желании он допустил ошибку. Котыч встал со своей кровати и, приблизившись к моей камере, схватился руками за столбы решётки, а затем сунулся между ними же лицом, упёрся в меня своим бешеным взглядом и продолжил шептать:

– Я тебя убью...

– Н-на! – Я резко вскочил со своей кровати и со всех сил вlepил ногой по его морде. – Выкуси, тварь! Я сам тебя прибью, прошлой ошибки уже не допущу! Ты понял? Я сам тебя убью, тварь!

Кричал я, правда, уже в стеклянную стену: как только я Котыча ударил и его отбросило назад, так она сразу же и рухнула, отделяя наши камеры друг от друга.

Если бы я знал! Если б я только знал, что своим ударом по ненавистной морде нажимаю на спусковой крючок приставленного к моему виску пистолета!

Я не знал!

Тогда я ликовал, найдя на своей обуви следы крови: значит, Котычу прилетело хорошо. Я радовался наступившей тишине... Недолго радовался. До утра.

Сразу после завтрака нас опять погрузили в вертолёт, где Котыч хоть шептать и перестал, но своего безумного взгляда с меня не сводил. Привезли в тот же посёлок и выдали то же самое, что и в прошлый раз, задание. Одному – прятаться, другому – искать.

Я даже обрадовался: есть возможность решить все наши разногласия, теперь уже окончательно. Опять на него засаду устроил, прихватив с собой обломок кирпича. Только зря я готовился – в этот раз почти рядом с Котычем «броненосец» шёл, остальные трое со стороны их прикрывали. Так что напасть я так и не решился... О чём уже на следующий день и пожалел.

Тогда за два часа он меня так и не нашёл, и мы все вернулись к вертолёту. В этот раз Котыча не били и не грозились наказать, только попеняли, что, мол, дружок его ему совсем не дорог и, по-видимому, не нужен, раз Котыч не хочет меня искать.

Я ещё удивился: какой дружок? Что, Кондратенко Серёга тоже здесь или они кого-то другого имеют в виду? Но это было не важно. Важно оказалось другое: на следующий день Котыч меня нашёл. Он, наверное, и сам в это не поверил, так как указал рукой на моё укрытие и неуверенно сказал опекающему его «няньке»:

– Он, кажется, там!

Там я и прятался. Думал, он случайно меня заметил; оказалось, что не случайно. На следующий день он меня снова нашёл, в этот раз быстрее. И в отличие от вчерашнего дня, сегодня он уже не был таким неуверенным – попытался подобраться ко мне со спины и, сбив с ног, избить. Но я его вовремя услышал, так что ничего у него не получилось. Получилось у сопровождавшей его бронетуши, вот тот меня на раз с ног сбивал и отходил в сторону, предоставляя Котычу награду.

В последующие за этим дни Котыча только так и награждали: он меня находил, бронетуши сбивали меня с ног и не давали возможности дать сдачи. И в то время как Котыч, отводя душу, избивал меня, эти бронетвари капали на мозги: мол, при искреннем желании удары перестанут наносить мне какой бы то ни было урон. Нужно просто захотеть. Всем своим в этот момент избиваемым естеством захотеть.

Видит бог, я хотел. И не только хотел, я, именно как они и говорили, желал... до них добраться. На звиздюлины я уже не обращал внимания: знал, что после нескольких часов следов избиения на мне не останется. Благодаря, как я понял, наркоте, заживало на мне всё так хорошо, что куда там собаке. Так что я уже не сопротивлялся, а ждал. Ждал, когда они расслабятся и мне удастся задуманное: пусть не до них, но до Котыча я точно доберусь.

И раз для того, чтоб это произошло, надо желать – что ж, я буду желать. Не зря же они, наверное, не только меня, но и Котыча «настраивали». Только если он благодаря этим поощрениям окончательно «настроился», раз начал совсем уж легко меня находить – то я всё никак не мог показать нужный результат.

Но с каждым днём, питаемый ненавистью, я всё больше желал и мечтал. На фиг ту неуязвимость, о которой они талдычили постоянно – на мне и так всё хорошо заживало. Я мечтал о шансе, малюсеньком шансе, и тогда я...

Я, наверное, трус!

Шанс – и немаленький! – появился, но...

Глава 5

Еле слышно пшикнула воздухом шлюзовая дверь, и в лабораторию со всем почтением препроводили небольшого роста и кукольной внешности девчонку лет пятнадцати, постоянно интересуясь её самочувствием, удобно ли она легла и не давят ли ей ремни. Ну и дальше, во время процедур, отвлекали разговорами, выслушивая все её пожелания, чем она недовольна и чем довольна.

Обращались с ней как с величайшим сокровищем, аккуратно, предупредительно и, можно сказать, нежно. А всё из-за того, что она два дара пробудила по их заявке. И второй – после того, как её постоянно начали хвалить и всячески угождать. Очень ей это дело нравилось. А малейший намёк, что при неудаче она всего этого лишится, в такой ужас её тогда привел, что на удивление всех вторая ими запланированная способность у неё и пробудилась. Вот и носились с ней теперь: как-никак зримый положительный результат их деятельности. Плохо только, что единственный.

Стоявший за стеклом профессор тоже благожелательно ей улыбнулся, стоило пигалице на него посмотреть, в то время как лаборанты помогали ей спуститься со специально для неё изготовленного ложа (лабораторным столом его точно не назовёшь), после чего принялись одевать её. Но как только номер девятнадцатый повели на выход, улыбка у профессора померкла, сменилась на презрительную гримасу. Впрочем, и она быстро исчезла. Даже тени той эмоции, что на миг проступила на его лице, не осталось, только доброжелательная улыбка. Но стоило только девятнадцатой покинуть лабораторию, лицо профессора снова потеряло всякое выражение. Как и голос, который не выражал никаких чувств, когда профессор обратился к подошедшему знахарю:

– Что скажешь?

– Дар закрепился окончательно, и он на удивление полностью соответствует тому, что мы от неё требовали. Если девочка и третий выдаст по заявке, то можно будет сказать, что к ней мы ключик подобрали.

– К единственной из десяти, – не спешил радоваться профессор. – Это не успех, это простая удача.

– Ну почему, номер четырнадцатый тоже можно сюда приплюсовать. Дар он заявленный пробудил, разве что у нас промашка с мотивацией вышла, – кривовато усмехнулся знахарь, намекая на отрезанные у того яйца. – Психологи не учли, что он Домового и так люто ненавидит, а после этого вообще заикнулся на нём, в том числе и своим даром.

– На ком заикнулся? – удивился профессор.

– На пятнадцатом! Четырнадцатый его постоянно Нафаней называет, вот охрана промеж себя пятнадцатого Домовым и прозвала. От них и ко мне это его прозвище прицепилось.

– Понятно, – хмыкнул профессор. – С его «хамелеоном» ему подходит. Какие у него результаты?

Неделю профессора не было, и хоть обо всём, случившимся за время его отсутствия, ему уже доложили, но вот со знахарем он ещё не разговаривал.

– Снова промашка. Вместо прививаемой неуязвимости у него скорость прорезалась. Не клоктопер, но ускорение приличное, в районе ста двадцати километров в час. И дар ещё в стадии развития, так что пока неизвестно, до каких пределов он научится ускоряться.

– Понятно, – в это раз задумчиво протянул профессор.

– Может, его на что другое нацелить, раз с неуязвимостью у него не получается? – вопросительно посмотрел знахарь.

Профессор всерьёз задумался над этим предложением, но всё же отрицательно мотнул головой.

– Нет, не будем менять планов. Пусть его пока охрана погоняет, жути на него еще больше нагонит, а потом... потом к охотникам его отправим. Они на днях приедут, вот пусть он в их развлечениях и поучаствует. Там ему создадут экстремальные условия. Если его охрана не смогла пронять, то охотники точно справятся... Если выживет, то проникнется и, будем надеяться, нужную нам способность пробудит.

Знахарь только кивнул согласно. Хочет профессор рисковать таким ценным подопытным, на которого столько белого жемчуга потрачено – его дело. Это сам знахарь поначалу в шоке был, всё же белый жемчуг, и в таких количествах... Слов нет. Знахарь даже попытался разузнать, откуда у них жемчуга столько, что они его, можно сказать, на ветер выбрасывают.

Профессор вроде и удовлетворил его любопытство, сославшись на специально созданные группы охотников на скребберов, которые вот уже не один десяток лет чаще с успехом возвращаются, чем погибают. Но явно всего не рассказал, хоть и наличие у них таких групп – это тоже было интересно.

Не знал знахарь, что по краю прошёл. Профессор после того их разговора всерьёз задумался, оставлять знахаря в живых или в расход его пустить. Но приносимая польза перевесила, и профессор пока решил не торопиться с кардинальными решениями. Вот если ценный специалист продолжит проявлять любопытство в делах, его не касающихся, тогда...

Всё дело в том, что добыча белого жемчуга была одним из самых охраняемых секретов. Конкретнее – появление скребберов у них буквально под боком. Обычно на восточном краю Улья они практически не встречались, но вот ведь повезло обнаружить аномальный «мешок» в черноте, куда, такое ощущение, эти твари размножаться приходили.

Аномалия того кластера проявлялась в том, что вроде и не чернота его составляла, но вот продвинутая электроника там сразу же горела, и люди не очень хорошо себя чувствовали, да и сверхспособности как-то криво применялись. Но вот скребберам оказалось там как мёдом намазано: раз в год в обязательном порядке туда тварь заявлялась. Однако бывали случаи, что и по несколько раз за год, да не по одной, а две-три особи встречались.

Потому и оборзели его предшественники: жемчуга настолько много накопилось, что они его в продажу запустили...

– Есть ещё одно дело, – прервал мысли профессора знахарь. – Мне в срочном порядке нужно по кластерам прогуляться. Внешних признаков ещё нет, но самочувствие скоро ухудшаться начнётся, трясучка на подходе.

На удивление знахаря профессор не стал препятствовать, а только спросил:

– Сколько тебе на «прогуляться» времени нужно?

– Месяц было бы в самый раз, потом снова можно продолжительное время работать не отвлекаясь. Но в этом случае придётся чуть сдвинуть очередной этап эксперимента...

Это предложение, даже не дослушав, профессор сразу отверг:

– Нет, сдвигать ничего не будем! Вернёшься, выполнишь свою часть работы. На начальном этапе мы и сами разберёмся.

И позже, давая согласие на то, чтобы его за территорию базы вывезли, только и спросил напоследок, нужно ли ему сопровождение – от которого знахарь отказался и потом долго стоял в одиночестве, до конца не веря, что его мало того что отпустили, так ещё и одного оставили, будучи уверенными, что он вернётся.

* * *

Белая жемчужина по окончании работы – хорошая мотивация для возвращения знахаря, так что никуда он не денется, уверили профессора психологи. Вернётся за этой платой обязательно. Да и сама работа, дающая столь много знаний по интересующей его теме, привлекает. Но чтобы полностью отдаваться этой работе, ему нужно определить степень своей свободы,

о которой он постоянно думает. Когда же он убедится, что его свободе ничего не угрожает, результаты его деятельности существенно возрастут.

Так что да, профессор был уверен, что к нему вернутся. Тем более знахарь ещё не был в курсе, что стаб, откуда его изъяли, сожрали твари – их орда сейчас резвилась по левобережью большой реки. Когда же знахарь об этом узнает, ему в любом случае придется новое место жительства подыскивать. Так почему бы и не задержаться у них, где безопасно, есть интересная работа и достойная оплата труда?

* * *

– На выход, мясо!

«Твою же мать!» – взвыл я мысленно, а по телу непроизвольно пробежала дрожь. Раз команда прозвучала именно так, значит, снова на охоту повезут. Вот только охотиться будут на меня, так как мясом меня называют только тогда, когда охотники на двуногую дичь приезжают. У меня же нога только отросла, ещё слушается плохо, а они снова...

Но как я ни стенал мысленно, а всё же, медленно поднявшись, поплёлся к выходу. Что-то, а чётко и быстро выполнять команды эти молотильщики меня выдрессировали. И разрядами ошейника, и простыми звиздюлинами, которые сейчас совсем были нежелательны, так как побегать сегодня мне предстояло немало, а нога и так как колода деревянная.

Нога... Я до сих пор в шоке, но эти все из себя такие нехорошие люди изобрели лекарство, способное конечности и вообще любые органы отрачивать. Если бы это лекарство не испытывали на мне, то я, наверное, был бы безумно рад, что медицина достигла таких высот. А так – на первой с моим участием охоте мне руку практически отстрелили, в локоть попали, и я уже было подумал, что всё, инвалид. Ан нет, через десять дней уже все конечности в целости были, и меня сразу же снова на охоту отправили. Где такие же бронированные, как наши охранники, охотники на этот раз мне ногу отстрелили, превратив ее в кусок кровоточащего мяса.

Им, по ходу, убивать меня запретили, вот они по конечностям и палят, что несколько успокаивает. Но как же это больно, кто бы знал!

– Мордой в стену упёрся и замер! – прозвучала команда, как только мы в лифт вошли.

В душе ворохнулось бешенство, но внешне я этого не показал – сдерживать себя я тоже научился. Так что послушно упёрся лбом в стену, всем своим видом изображая, что смирился со своей судьбой, и даже намёка на недовольство не промелькнуло на моём лице.

Хоть это, скорее всего, никого не обманывало. Есть тут, сука, экстрасенс херов, который руками вокруг тела помашет – и всё твоё состояние лучше любых приборов определит.

Наши отношения с охранниками окончательно испортились после моей последней выходки, когда я попытался, разоружив одного из них, ошейник снять. Хотя до этого я и не знал, что у нас были отношения хорошие. Зато теперь узнал: после того события мне только дышать без команды можно в их присутствии; за любое другое сделанное без приказа движение или неподобающую, по их мнению, мимику на лице, следует наказание.

Открылись широкие ворота, далее последовала погрузка в вертолёт, на удивление более долгий, чем обычно полёт, и...

* * *

Всё началось с того дня, как я Котыча «приласкал». Это, наверное, и сорвало с него последние тормоза, раз он меня находить, как бы хорошо я ни прятался, начал. Найдёт – и сразу в награду мою тушку получает. С каким удовольствием он меня избивал, лицо чуть не светилось от счастья. И сдачи не дать: бронетуши тут же вмешивались, с ног сбивали.

Не знаю, какого эффекта наши похитители рассчитывали добиться всеми этими действиями, но явно не того, что в итоге получилось. Если Котыч научился меня находить, то в противовес ему я...

Раньше я до конца не верил во все эти сверхспособности, даже свою повышенную регенерацию списывал на наркоту. Но уже никаких сомнений не осталось: тут действительно фабрика по производству суперов.

Индиго, мать их! Всё как в фильме «Уникальные люди будущего». Только там не показывали, откуда эти уникальные вылупились.

На такой фабрике и вылупились. В фильме, если не ошибаюсь, они чувствовали опасность, с животными разговаривали, читали мысли и ещё что-то там. В жизни же фабричный супер Котыч приобрёл способности ищейки, а я... Как же мне обидно было, когда вечером, лёжа в постели, я переваривал всё случившееся.

Я научился прятаться!

Я, мать его, трус! Над которым издеваются, которого поливают словесными помоями и избивают разные чмыри... И всё, на что меня хватило – это научиться прятаться!

Сразу, как только эта способность прорезалась, меня в лабораторию оттащили, где снова сначала через приборы пропустили, потом прилично так крови откачали, а в конце знахарь за меня принялся и довольно долго над моей тушкой руками водил. Он и просветил подошедшего с той стороны окна профессора, что я обрёл способность мимикрировать под окружающую среду. Но главное, что прозвучало, – я не только визуальную, но и энергетическую незаметность перед сенсорами заимел.

Вот после этого обследования я и лежал на кровати, переосмысливая всё, что раньше слышал и до чего до этого дня додумался. Заодно и костерил себя всякими услышанными от Котыча словами. Это же надо быть таким тупым, чтоб додуматься верить на слово знахарю с профессором, так как им, видите ли, тупо незачем меня обманывать, зато воспринимать в штыки всё то, что «броненосцы» говорят.

Теперь я мало того, что поверил в то, что они тогда говорили. Я действительно мог, если бы проникся теми словами, обрести неуязвимость – но вместо этого, как последний трус, научился прятаться. А ещё так желал до них добраться... Стоп!

Желал до них добраться! Желал – добраться! Я стал «хамелеоном», чтоб суметь до них добраться. Не мечтал о какой-то конкретной способности, типа сверхсилы или той же неуязвимости, как они меня настраивали, а тупо мечтал до них добраться. И это сработало! Я получил способность сливаться с местностью, а заодно и от сенсорной способности Котыча прятаться, чтоб суметь до них добраться.

Меня чуть на ха-ха не пробрало от облегчения: всё встало на свои места.

«Я, мать его, фабричный супер-индиго! Я целитель, и я человек-хамелеон!» – хмыкнул я своим мыслям, заодно окончательно успокаиваясь.

Вспомнилось, как Котыч в очередной раз меня играючи нашёл и, когда я это осознал – а тот и не скрывал, что меня обнаружил, – как на меня накатило. На миг я поддался слабости и позволил чувству безысходности и жалости к себе, такому бедному-несчастному, захлестнуть сознание, и... Я не сразу заметил, что Котыч замер недоумённо, и на вопросы «броненосцев» как-то неуверенно отвечает, тыча пальцем в разные стороны.

В себя меня привело чувство неправильности, а точнее то, что меня ещё не били. Я недоумённо огляделся и замер в ступоре; ну и, если уж быть честным с самим собой, то довольно сильно испугался. Всё дело в том, что я стал сливаться с обстановкой в комнате, в которой прятался. Думал, глюки ловлю, совсем головой тронулся; или что наркота особенно забористая сегодня была. Я выглянул в окно, собираясь «броненосцев» окликнуть, тогда и увидел, как Котыч плечами пожимает и непонятно куда пальцем указывает – но точно не на меня. Это тоже меня удивило, хоть казалось, что дальше некуда. Только что он уверенно вёл их по улице,

указывая на трёхэтажный дом, в котором я тогда схоронился, а сейчас топчется на месте и недоумённо пожимает плечами.

Ну а дальше «броненосцы», видимо, поняли, что не просто так он меня потерял, и, как я и думал раньше, играючи меня нашли – не помогла такая крутая, как я чуть позже узнал, маскировка. Схватили меня и потащили сначала в вертолёт, а потом и в лабораторию.

Вот с этого дня события действительно понеслись. Я, хоть ненавидеть меньше их всех не стал, но несколько примирился со своим положением. И уж точно теперь я прислушивался к каждому их слову и старался настроиться, поверить и возжелать! Не неуязвимости, о которой они продолжали говорить... Если честно, то я так до конца и не смог определиться, какую именно способность хочу занять. В голове такая каша на этот счёт была: сразу все просмотренные мной фильмы и мультфильмы вспомнились. И тут не индиго, а больше люди икс с суперменом подходили. Во всяком случае, регенерация оказалась как у того же марвеловского Росомахи: пусть она не такая продвинутая, как у него, но не сильно и отставала. Или моя маскировка: я просто не представляю, какие нужно иметь технологии, чтоб подобного добиться. Ведь не только тело, но и одежда на мне с окружающей средой сливались.

И ведь это ещё не всё. Когда окончательно выяснилось, что Котыч теперь может только приблизительно определять моё местоположение, его сменила собака. И эта шавка мелкая по следу шла так – куда там моему бывшему другу до неё. Но моя способность к мимикрии стремительно развивалась, так что и на собаку нашлась управа. Как спустя некоторое время сказал знахарь: «На вынюхивание дар ответил полным “хамелеоном”, не только энергетически, визуально, но и запах начал сливаться с местностью».

Короче, во всех диапазонах я прятаться научился, правда, сил на это много тратилось, и я пока не мог долго в таком состоянии находиться. Но и этого хватило, чтоб мне запретили «хамелеон» использовать – я так понял, что они боятся, как бы я и маяк в ошейнике не научился маскировать. Вот и последовал запрет, а чтобы я не расслаблялся, меня начали усиленно гонять и снова на мозги капать по поводу неуязвимости.

Вот так: пока я гадал и постоянно желал то одну способность, то другую – тело в итоге само определилось. И в один не совсем прекрасный день, я, помимо того, что уже довольно уверенно умел прятаться, научился ещё и убегать.

Так что теперь я был не только хамелеон, но ещё и спринтер.

В первый раз я ускорился так, что от неожиданности в стену дома врезался и прилично поломался. Пока валялся зафиксированный, опять мелькнула мысль о том, что я трус – надо же, суперспособности: не спрятался, так убежал. Супертрус, блин!

Зажило на мне всё как на... не знаю, у кого ещё так быстро заживает всё. Но главное, когда снова на «прогулку» вывели, мозги у меня в другую сторону заработали. Мало того, что они научились за скоростью успевать и таких глупых столкновений уже не было – и это при том, что скорость ещё больше увеличилась, – но тут мои мысли свернули с темы трусости в противоположную сторону. Именно тогда-то мне и пришла в голову идея!

«Пора, – увидел я выходящую из-за угла сладкую бронепарочку. – Ну что ж, трус я или...»

Я резко вошёл в максимально доступное на тот момент ускорение, и практически сразу же один из «броненосцев» с ног слетел, грохнувшись на спину, а у меня плечо занемело от столкновения с ним. Но это неважно, левое-то занемело, а в правой – довольная улыбка расплзлась по моему лицу – в правой я держал автомат, который, не выходя из ускорения после тарана, успел у своей жертвы выхватить.

Я отскочил назад и, нацелив ствол на «броненосцев», переводя его с лежачего на стоящего и обратно, чуть не подвывая от радости, рывкнул:

– Только рыпнитесь, мрази, сразу положу!

Они и не рыпались: такое ощущение возникло, что оба с интересом за мной наблюдали. Но я не обратил на это внимания и постарался успокоиться, хотя в душе всё пело от радости

– как же, всё почти получилось, и вот-вот... Сделав пару глубоких вдохов-выдохов и перестав дёргаться, я взял на прицел стоявшего «броненосца», ему же искомандовал:

– Отключай ошейник, чтоб он снялся с меня! Но смотри, если почувствую, что что-то не то делаешь или шокер включишь – сразу стреляю! Я успею нажать на курок!

И в этом я был уверен на сто процентов, так как сознание всё так же пребывало в разогнанном состоянии, и если меня шокером надумают долбануть, то вполне успею выстрелить, прежде чем меня скрутит.

– Стреляй! – ответил мне сбитый, начиная подниматься. – Стреляй! – повторил он, встав на ноги, и уверенно двинулся в мою сторону.

Если б раньше мне довелось направить на кого-нибудь оружие, да ещё и выстрелить в человека – не знаю, как бы это у меня получилось. А в тот момент даже тени сомнения не промелькнуло: я направил ствол на его бывшего хозяина и сразу же нажал на курок. И ещё раз, и ещё, и ещё несколько раз... Но автомат, падла, и не думал стрелять, без толку нажимал я на продолговатую кнопку.

Несмотря на надвигающуюся бронетушу, я опустил глаза на этого предателя и попытался найти предохранитель – иначе почему он не стреляет? Разобраться не успел, с ног сбил короткий, но сильный разряд шокера.

Пока я на одного пялился, второй активировал ошейник.

– Это оружие не для дикарей, – подошёл и подобрал выпавший у меня из рук автомат «броненосец». – Оно работает только в наших руках!

И тут же подтвердил сказанное.

У меня как раз в глазах прояснилось и я прекрасно видел, что он ничего лишнего не делал. Поднял оружие с земли, направил его на меня и сделал то же, что и я, нажав на...

– При стрельбе, придурок, нажимают не на курок, а на спуск!

Вот на спуск-то он и нажал, и дальше я уже не слышал, что он там говорил. Тупой удар в живот, потом ещё один, и тут же как будто раскалённую кочергу внутрь сунули: простреленные потроха полыхнули огнём, а сознание затопило просто невероятной болью. Скрутившись в позу эмбриона, я отключился от внешнего мира и уже не чувствовал, как меня подняли на руки и понесли к вертолёту, где без особых церемоний закинули внутрь.

– Не сдохнет? – Слух ко мне вернулся, когда мы уже летели.

– Увидим, что отходит, вколем спек! – прозвучал в ответ равнодушный голос сбитого мной с ног «броненосца». – До больницы в любом случае довезём. А пока пусть прочувствует, какую громадную ошибку он совершил, напав на нас. Если ещё раз мысль такая появится в его тупой башке, пусть вспомнит этот момент.

Пока они надо мной разговаривали, я офигевал уже не от боли – она прошла, – а от того, что я целительский свой дар наконец почувствовал и даже, кажется, понял, как с ним работать. Через прижатые руки я чувствовал – нет, не так: не чувствовал – знал, что неправильно у меня внутри в данный момент. Поначалу я захотел, чтобы не было так больно, и у меня получилось; тогда и мозги заработали. Я быстро разобрался, что такое ощущаю, вот и захотел исправить это неправильное. Видимо, организм сам знал, как оно должно быть, а я ему только помогал своим желанием.

– Понятно, – по прилёте знахарь осмотрел меня сразу на полу вертолёта. – В камеру его, – вынес он вердикт.

Сука, мог бы и в больницу отправить подлечить.

Оно вроде и не болело давно уже, и кровь перестала течь, но всё же в двух местах пузо у меня было продырявлено, как и спина: пули насквозь прошили тело. Ан нет, лечить, оказывается, меня не надо: на каталку положили и в камеру отвезли, где без церемоний сбросили на кровать.

Знахарь всё же через час пришёл, принялся надо мной махать руками и ничего не объяснял при этом, хоть я и попытался его разговорить, так как мне ощутимо полегчало от его непонятных действий. Но разговаривать со мной никто не собирался: закончив меня латать, знахарь молча развернулся и ушёл.

Пришёл он и на следующий день, сразу после завтрака – в этой роли, правда, только наркота была, о другой пище я даже думать не мог, сразу тошнота к горлу подступала. А вот наркоту, несмотря на ранение в живот, я пил пусть понемногу, но часто, так как сушило меня практически постоянно. В этот раз рукомахательством знахарь недолго занимался: видимо, только удостоверился, что заживление нормально идёт. Зато соизволил заговорить, мать его.

Взял у стоявшего у него за спиной «броненосца» две фляги. Одну, что с наркотой, на пол возле кровати уронил, другую же мне протянул и велел, чтоб я так, как вчера в пузо свою силу направлял, сейчас направил её во флягу с водой, мысленно желая сделать её целебной.

Всё, конечно, хорошо, но только это вчера я думал, что понял, как со своей целительской способностью работать, а сегодня ничего у меня не получалось, несмотря на многочисленные попытки. Вот и воду зарядить не вышло.

Попросил его научить.

Он, тварь такая, взял и научил: подозвал охранника и велел мне в живот выстрелить.

Ещё пять раз мне пузо дырявили, приговаривая, что хотел бы – давно бы научился как лечиться, так и чтобы оружие мне проблем не доставляло. Но я, мол, ленивый, всякой херней обзавожусь вместо нужного.

После пятого раза получилось зарядить воду во фляге так, как того от меня и требовалось. Во всяком случае, я так думаю, так как после очередной попытки знахарь забрал флягу, поводит вокруг неё руками и молча ушёл.

Больше он не возвращался.

А я в тишине и спокойствии принялся сам себя латать. Всё же научил меня знахарь эту мою способность, ранее никак не дававшуюся, по желанию запускать.

«Хамелеоном» отчаяние помогло научиться пользоваться.

Ускорению научился при помощи страха, когда «броненосцы», обнаружив меня в очередной раз, стрелять начинали, да ещё и очень близко к телу. Вот я и ускорился от страха, когда думал, что очередная пуля в меня попадёт.

Ну, а с целительством – боль, какой ранее не ощущал никогда, хорошим учителем выступила. И хоть целительство была первая моя приобретённая способность, научился ею пользоваться я в последнюю очередь.

На следующий день, когда я понял, что не зря знахарь больше не приходит – с трудом доковылял до душа, набрал в стакан воды и проделал с ним то же самое и с тем же желанием, что и с флягой. И даже визуально видно было, что всё у меня получилось – может, и глюки, но мне казалось, что вода в стакане приобрела лёгкий золотистый оттенок.

Я сделал маленький глоток и – ничего не произошло. Разве что жажда отступила. Глотнул ещё, уже побольше, и почти сразу же почувствовал, как боль в животе отступает. Руку я приложил к пузу и уже привычно «целителя» раскопегарил. Вот так, попивая заряженную воду и помогая своим желанием организму лечиться, я через пару часов уже почти здоров был.

Темпы исцеления невероятно впечатлили. Знахарь, хоть и тварь невероятная, но всё же реально помог мне, это теперь я ясно понимаю. Ведь когда он пузо мне дырявил, а потом, видя, что я погибаю, лечил, то всё не так быстро проходило, как с водичкой этой живой, которую я решил эликсиром жизни назвать. С ним регенерация просто на невероятный уровень выходит, и сил почти не тратится. Вот только есть очень хочется. Вода пусть и целебная, но топливо для организма в виде еды тоже требуется.

Хотел я ещё себе такого эликсира забавать, чтоб голод обмануть, уже даже к душу направился. Но дверь, лязгнув, открылась: завтрак принесли.

* * *

– Готовься, сейчас прыгать будешь, – произнёс подошедший ко мне «броненосец», освобождая от рамного фиксатора и закрепляя его под потолком.

Что-то странное происходит. Мало того, что летели дольше обычного, так ещё и мясом не обозвали. Вместо этого из вертолётa с высоты выбросить готовятся, о чём и предупредили заранее.

Нет, я понимаю, что охрана до сих пор злится на меня, и отношения у нас совсем не фонтан. Но вот так, не посадив вертолёт – на выход? Это что-то новенькое: в первый раз меня с высоты выбрасывать собираются. С моей-то ногой... или они это специально, чтоб я не такой шустрый был? Или...

Или это очередной этап, чтоб я в себе неуязвимость пробудил. Раз побои не помогли, стреляя в меня, нужного результата они не добились, теперь ещё и из вертолётa ради этого выбрасывать будут.

Настроиться особо много времени мне не дали: мы уже прилетели и начали снижаться. Так что, как только открылся боковой люк, меня сразу же сдёрнули с сиденья и пинком под зад выпихнули навстречу ворвавшимся внутрь пылевому потоку воздуха.

Прежде чем глаза запорошило пылью, я успел увидеть, что прилетели мы не в привычный и уже хорошо изученный посёлок, а в какой-то город. Впереди возвышались пятиэтажные дома, а меня на свободный от машин асфальтированный участок дороги выталкивали.

– Чёрт! – как ни группировался, а прыжок с четырёх метров безболезненно не прошёл. Как я и боялся, нога-колода подвела: подвернул её.

Завалившись на бок и не обращая внимания на боль в ноге (будет время – подлечу), я поспешил протереть глаза и осмотреться, готовый в любой момент сорваться в ускорение. Приучили охотники: если замер на месте у них в прицеле – то всё, конечности после попадания пули даже «до свидания» не успевали мне сказать, разлетались мы с ними в разные стороны.

Хорошо, вертолёт долго над головой висеть и пыль гонять не стал, так что я шустро протёр слезящиеся глаза и, не вставая, осмотрелся.

Действительно, город. Выбросили меня на Т-образном перекрёстке напротив аллеи, по бокам которой находились дороги с односторонним движением, а за ними уже пятиэтажные дома. Я обернулся назад. За спиной – площадь, по бокам на ней стоянки для машин, а за площадью ледовый Дворец спорта «Кристалл».

И самое главное, машин много – движения ноль. Трупов полно... Но это уже давно для меня шоком не являлось. Насмотрелся я на них на разных: и на только убитых, и на хорошо уже на солнце полежавших. Когда на хвосте охотники висят, то быстро привыкаешь к такому вот окружающему виду.

Но тут, похоже, охотников ещё не было. Присмотрелся я к одному телу, к другому... К третьему присматриваться не стал, оно совсем на части разобранное оказалось. Остальных точно не оружием убили, так что не охотники тут порезвились.

В этот момент краем глаза я заметил какое-то шевеление сбоку от «Кристалла», повернул в ту сторону голову и...

– Твою же мать! – Тело сковало холодом, а волосы на голове от ужаса зашевелились.

Глава 6

– Твою же мать! Твою же мать! Твою-же-мать! – повторял я непрерывно, не в силах пошевелиться и отвести взгляда от зрелища.

Одно дело строить предположения, подгоняя свои догадки под них, и совсем другое – вот так воочию увидеть и убедиться, что фильмы не врут. Зомбаки реально существуют!

Обходя «Кристалл» по сторонам, на шум, поднятый вертолётom, потянулись натуральные зомби. Большинство – грязные, в крови с ног до головы, в чужой и в своей, так как некоторые, я смотрю, реально надкусанные. И все в мою сторону ковыляют.

Доигрались, мать вашу! А я то всё гадал, что это за лекарство, после приёма которого руки-ноги заново отрастают. А тут не только конечности отрастают, тут мертвяки восстают. Стопудово вирусняк из лаборатории сбежал...

«Ур-рл!» – раздалось слева.

Я резко повернул голову в ту сторону, а там – сюрприз! Мимо киосков «Цветы» и «Мороженое» ко мне ещё с десятков зомби направлялись, да и в стороне парка, расположенного дальше по дороге, шевеление пошло.

Окончательно в чувство меня привёл ветерок, шевельнув листвой росших вдоль дороги деревьев. Он дунул в мою сторону, взлохматив продолжающие стоять дыбом волосы на моей голове. Такая вонь донеслась от ближайшей группы – куда там нашатырю! – что мозги прочистило влёт. И когда неожиданно для меня зомби пошли на рывок, резко ускорившись, тело меня не подвело – я припустил в противоположную сторону с такой скоростью, что пятки только и засверкали. И это без всяких там сверхспособностей. Если честно, то я про них просто забыл в тот момент: мозги прочистило качественно, и что умею прятаться и ускоряться, видимо, из головы тоже вонючим ветром выдуло.

Пробежал метров тридцать, когда...

– Только вас мне ещё и не хватало! – пришлось резко сворачивать вправо под «кирпич» на дорогу с односторонним движением.

Всё дело в том, что не так и далеко, со стороны то ли церкви, то ли храма, между стоявших на дороге машин промелькнули чёрные силуэты охотников.

И странное дело – при виде знакомой опасности я неожиданно для себя успокоился. До меня дошло, что зомби – медленные, ускоряться могут только на короткие дистанции. Я бросил взгляд в сторону спринтеров – они забег уже прекратили и, обиженно урча, снова еле ноги передвигали. Ну и, самое главное, при виде охотников я вспомнил о своих сверхспособностях. И пусть «хамелеоном» мне запрещено пользоваться, но ускорение я не замедлил применить, обойдя двигающуюся навстречу группу зомбаков.

Откуда только и повывезали, блин? В очередной раз я, ускорившись, миновал ещё троих.

Пробегая мимо супермаркета «Лавина», расположенного на первом этаже пятиэтажного дома, я решил уходить во дворы. На прямых участках нежелательно долго находиться: если охотники увидят, сразу подстрелят. И даже если и в этот раз не до смерти, то сегодня меня это уже не обрадует.

«Вот это они насели, – дошло до меня, когда я, пробежав мимо парикмахерской, за ней сразу налево в проезд между домами свернул. – Получается, что если неуязвимость не пробужу сегодня, то всё, край! Зомби живьём гарантированно сожрут, так как без ноги от них хера с два убежишь. Экспериментаторы, наверное, на принцип пошли, для этого сегодня охотников, мертвяков и меня до кучи и свели».

Не только мертвяков и охотников!

Пробежав мимо углового Г-образного дома, я свернул направо, чтоб окончательно во дворы уйти. Но сделал всего несколько шагов, как мне пришлось резко тормозить... Даже когда

охотники на меня охотились и в первый раз подстрелили, я такого ужаса не испытывал, как сейчас, встретившись нос к носу со своим соседом по камере.

И это был ни разу не Котыч!

Упав на задницу, я в шоке замер, не сводя взгляда с Пургена. Он чуть дальше, возле мусорных баков, какого-то бедолагу заломал и сейчас пожирал.

Сосед тоже сразу узнал меня: подняв окровавленную морду и взглянув на меня, он замер в удивлении. Иначе и не скажешь, глядя на его широко открытую пасть, откуда только что откушенный кусок мяса вывалился.

И я понял, что тот мой первый страх, когда мы только с ним увиделись, никуда не делся. Он просто притупился, успокоенный тем, что монстр решётку преодолеть не может. Но теперь я в полной мере осознал, что боюсь его всё так же, если не больше; и то, что не столько Пургеном меня пугали, сколько его мной дразнили. Я просто тогда не понимал, зачем они это делают – ведь я привык к нему давно, а они всё поднимали и поднимали стену между нашими камерами. Но теперь всё встало на свои места.

«Они стопудово планировали нас вместе свести!» – проскочила у меня в голове мысль.

И в этот момент ступор у Пургена прошёл, так как эта падла улыбнулась предвкушающе, открыв ещё больше свою зубастую пасть. Припомнил, наверное, все мои над ним издевательства. И тут же, в очередной раз удивляя своей скоростью, он сорвался в мою сторону, аж подывая от нетерпения.

Каким чудом я увернулся от первой его атаки, я так никогда и не осознал, но всё же сумел это сделать, врезавшись плечом в торец дома. А потом, когда Пурген, с пробуксовкой развернувшись, снова на меня кинулся, я – нет, сквозь стену не прошёл, хоть в первое мгновение именно так и показалось. Просто опять же, действуя больше на рефлексах, чем осознанно, я, оттолкнувшись ногой от выступающего цоколя фундамента, буквально влетел сквозь осыпающееся стеклом окно в квартиру. А там, плюнув на все запреты, применил на полную «хамелеон» и, распахнув дверь из комнаты дальше в квартиру, сам туда не сунулся. Вместо этого я, собрав волю в кулак, замер за креслом напротив разбитого окна, полностью слившись со стеной и всеми силами стараясь успокоить дыхание – что довольно легко и получилось. Как только синеватого оттенка лапа, хвастаясь внушительными когтями, показалась в окне, то само собой забылось, как дышать, зато сердце с каждым ударом всё громче стучать начинало.

Ухватившись за скрипнувшую остатками стекла раму, Пурген рывком влетел в комнату, высадив то, что после меня ещё целым стояло. И мне даже на мгновение показалось, что мой замысел удался: эта темно-серая громадина, устремив взгляд в открытую дверь, без промедления сделала шаг в том направлении. Но тут же, резко замерев и поведя мордой – принявшись – монстр упёрся взглядом именно в невидимого меня.

«Как?! Как он меня обнаружил? – в унисон сердцу стучал этот вопрос в голове. – Ведь знахарь говорил, что в таком состоянии меня никто не может найти!»

Я даже подумал, что на удары сердца он и навёлся, но тут же понял, что нет, иначе. Я почувствовал, как по руке вниз побежала струйка крови, капая с пальцев на пол. Высаживая окно, я стеклом порезался. И именно на кровь Пурген и среагировал, так как она, покинув моё тело, вновь обрела запах.

Не позволяя панике захлестнуть себя, так как в таком тесном помещении это значило бы гарантированную смерть, я что было сил призвал ускорение и даже наметил, куда двигаться. Высаженное окно в доме напротив так и притягивало взгляд.

Метров пятьдесят между домами; в ускорении секунды потребуются, чтоб их миновать. Там, не задерживаясь, сразу на выход и дальше по ситуации. Но срочно нужно место найти, чтоб руку залечить, а то я всех зомби по своему следу соберу.

Из-за ускорения, наверное, но за те секунды, что Пурген меня обнаружил, я успел и план отступления продумать, и маршрут наметить. Но вот из-за того же ускорения сбойнул «хамелеон», и Пурген тут же кинулся на меня, проявившегося на фоне стены.

Видимо, не зря этот монстр на фабрике суперов обретался, так как этот синий три-два-раз сумел очень сильно и неприятно удивить, поломав все мои только что выстроенные планы. Не знаю как, но его скорость сравнялась с моей, и я уже как-то обречённо понял – всё! Я труп! Несмотря на все мои попытки увернуться и проскочить к окну, я наблюдал, как его массивная лапа летит точно мне в лицо.

Когтистая лапа стремительно приближалась, вот она уже полностью закрыла собой весь обзор и... и обдав ветерком, проскочила сквозь меня. Осознать я этого не успел, просто в один момент снова увидел вдали тёмный провал окна и, чуть не сжигая себя чрезмерным ускорением, потянулся к нему.

Этот день, наверное, так и пройдёт под словом «как».

Только лапа – как? – промелькнула сквозь меня, а я уже стою в квартире, в которую так стремился. Как я тут оказался? Не знаю. Но факт, я нахожусь в квартире дома напротив и при этом ощущаю себя как-то непонятно. Мало того, что слух многократно усилился: я как будто рядом с Пургеном находился, отчётливо слыша, как он там комнату громит в моих поисках; так ещё и со зрением возникли странности.

Я не стал лучше или хуже видеть, но вот поле зрения существенно расширилось. То, что виделось раньше краем глаза, сейчас вполне отчётливо отображалось, как будто я прямо перед собой смотрю. Но не только это вызывало удивление. Я видел в разные стороны, но при этом не поворачивал головы.

«А всё потому, что у меня больше нет головы!» – упёрся я взглядом в зеркало.

В этой разгромленной, узкой, как пенал, и залитой кровью комнате, в углу возле выбитого окна на тумбочке стояло чудом уцелевшее зеркало, и то, что в нём отражалось, меня напугало больше, чем всё сегодня произошедшее.

Если бы мог поседеть, я бы, наверное, уже поседел: в зеркале отражался не я, а какой-то дымный серебристо-непонятного цвета силуэт. Очень страшный силуэт: он постоянно, перебиваясь, менял то форму, то цвет.

Вот при виде этого я рефлекторно и отпрыгнул, в зеркале же дымный силуэт, повторяя мои движения, дёрнулся назад и, столкнувшись со стеной, растёкся по ней. Но как только это произошло, дым в тот же миг собрался в единое облако, уплотнился, и на пол грохнулся уже точно я. Ощутил я это своей пятой точкой.

Всё ещё находясь в глубочайшем шоке, я глянул на свои трясущиеся вполне человеческие руки, одна из которых всё так же кровоточила, а потом, собравшись с духом и медленно привстав с пола, посмотрелся снова в зеркало – да так и замер, не веря тому, что там увидел.

Не знаю, сколько эти гляделки длились – время будто замерло в тот момент – но в конце концов на отражающейся в зеркале дебильной морде появилась не менее дебильная, пока ещё неуверенная улыбка.

– Ха! – Всё ещё не веря увиденному, я потянул руки к шее. – Ах-ха-ха-ха! – засмеялся я безумным смехом. – Я свободен! Свободен! – судорожно шаря руками по шее, я не находил там самой ненавистной вещи: ошейника. – Я знал! Я знал, что шанс появится и получится сбежать... У-у-у! – пришлось прикусить руку, чтоб поумерить эмоции.

Из квартиры напротив на улицу выскочил Пурген, видимо, услышав меня. Он вылетел из окна и, сделав несколько шагов в одну сторону, замер, затем пошёл в другую, вертя головой по сторонам.

Оп-па! А это ещё что такое? Голова у рыскающего в моих поисках чудовища лопнула, как переспелый арбуз.

После этого непонятно откуда выскочила парочка «броненосцев», мельком посмотрели на убитого монстра и поспешили к выбитому мной и Пургеном окну – там они, я так понял, след мой потеряли. Небось решили, что монстр мне башку оторвал.

Именно это событие заставило меня встряхнуться и в темпе собрать мозги в кучу. Мало от ошейника избавиться, нужно ещё суметь от охотников смыться.

Хоть это не охотники, простые дуболомы, обычно меня и Котыча выгуливающие. Я наблюдал, как один «броненосец», несмотря на снаряжение, довольно ловко через окно в квартиру полез, другой остался на улице прикрывать его.

Сейчас они найдут остатки ошейника – а я уверен, что он там остался, так как теперь, прокручивая в голове происходящие в той квартире события, отчётливо помню негромкий хлопок, видимо, от взорвавшегося ошейника. Хлопок раздался сразу после очередного «как» – когда лапа Пургена сквозь меня прошла, но перед моим непонятным перемещением в эту квартиру.

Но обо всех этих «как» я потом голову ломать планировал, сейчас меня другое волновало. «Броненосцы» молодцы, принесли мне наркоту: я видел флягу на поясе у оставшегося на улице. Дело в том, что у меня собственной отравы всего на полдня хватило бы. Я опустил руку к поясу, а там – оп-па! – моя фляга отсутствовала. Не только ошейник, но и имеющуюся наркоту я как-то потерял.

Что ж, выбора совсем не остаётся!

Я принялся шарить глазами по комнате, но ничего подходящего не находил. Зато нашёл серый шарфик из какого-то тонкого, но плотного материала, и поспешил им порез на руке замотать. После чего, снова разогнав «хамелеон» на полную, пошёл в других комнатах шариться в поисках подходящего оружия.

И довольно быстро я его нашёл.

В коридоре, открыв дверцу в маленькую кладовку, я увидел то, что мне нужно. Сначала за средних размеров кувалдочку взялся – она в ящике с другим инструментом и рабочей одеждой, кинутой на него сверху, лежала. Но тут мой взгляд зацепился за стоявшие в углу ломик. Кувалду я аккуратно на место положил, и руки сами за большим ломом потянулись: против такого уж точно нет приёма. Настоящее оружие.

Кем они там меня обзывали? Дикарём? Вот и буду дикарём: ломик уж точно, в отличие от их оружия, не подведёт.

Я взвесил его в руке – тяжеловат. Взял в другую руку его младшего метрового собрата и понял – вот оно! И по весу то, что нужно, и для маневренности на моей сверхскорости хорош.

– Ну что ж, дикарь так дикарь! – На моё лицо снова выползла безумная улыбка, когда я, выходя из кладовки, себя в зеркале с «Дикарём» в руках увидел.

«Крыша капитально протекает, – думал я, делая глубокие вдохи-выдохи. С трудом удалось себя в руки взять. – Как бы окончательно не накрыло, тогда недолго я тут пробегаю».

Более или менее успокоившись и настроившись на предстоящее дело, я снова «хамелеона» раскопегарил, а то в кладовке сбросил его, чтоб зря силы не тратить. Стараясь как можно тише ступать, я направился к выходу из квартиры в подъезд, благо дверь была распахнута.

Из подъезда на улицу тоже дверь открытая оказалась, что мне было только на руку. Стараясь сильно не высовываться, – а то снова маскировка сбойнет и все планы накроются, – я выглянул аккуратно наружу.

Вовремя!

Я заметил, как из квартиры под ноги так и стоявшего под окном «броненосца» вылетели остатки моего ошейника. После чего в проёме его напарник показался, покачивая найденной моей же флягой. О чём-то ребята в броне между собой переговорили быстро и принялись головами по сторонам вертеть.

И – вот умные сволочи! – почти одновременно остановили взгляд на выбитом окне напротив. В отличие от тупого монстра, эти сразу вычислили, куда я деться мог.

Как только «броненосец», сначала бросив на тушу Пургена мою флягу, полез наружу из квартиры, я понял: если действовать, то именно сейчас!

Сделав шаг назад и уходя из проёма, я сбросил «хамелеона» и глубоко вздохнул – настраиваясь и одновременно раскочегаривая ускорение.

– Была не была, – выдохнул я и, крепче сжимая в руках «Дикаря», сразу же сорвался с места в проём двери.

* * *

Дежурная смена ржала как кони, слушая рассказ Коблуна о его попытках приударить за недавно прибывшей аспиранткой, молодой двадцатитрехлетней шикарно выглядящей блондинкой – в итоге оказавшейся дочерью заместителя профессора Лёдуса по научной части. Зам, узнав об этих подкатах к дочери, устроил Коблуну с сегодняшнего дня дежурства через день на целый месяц.

«Чтоб немного остыл и успокоился!» – как сказал их командир, майор Янсон.

Рассказ прервала сирена тревоги, своим квакающим звучанием так и подгоняющая торопливо вскочить и бежать. Что все и проделали: резко оборвав смех, вскочили и, не суетясь, привычно принялись экипироваться, в темпе облачаясь в броню и разбирая хранящееся в малом арсенале оружие.

– Готовы? – заскочил в дежурку лейтенант Виртанен, окинув хмурым взглядом уже почти полностью экипированную – только шлемы и осталось надеть – группу.

– Что случилось, Лейт? – видя, что лейтенант не в духе, только сержант Орава, как его заместитель, и решился задать вопрос.

– Домовой, сука, случился! Сбежал! – И виновато, как будто это его вина, кинув взгляд на напрягшегося Халла, лейтенант добавил: – Дерптский и Тарту убиты.

Халла, а убитые были его лучшими друзьями, ничего в ответ не сказал, только помертвел лицом и крепко сжал кулаки, одетые в перчатки, отчего они громко скрипнули в на миг наступившей тишине.

– Он что... – после небольшой паузы снова Орава голос подал.

– Да, – перебил лейтенант сержанта, догадавшись, о чём тот спросить хотел. – Ошейник Домовой, пока ещё непонятно как, но сбросил. А потом, судя по видео, неожиданно возник возле парней и в ускорении ломиком обоих завалил. Они ничего не смогли ему противопоставить. Просто не успели за ним.

– Я ему этот лом... – выдавил из себя Халла, пока остальные переваривали новость.

Бросив на того сочувствующий взгляд, сержант снова по делу вопрос задал:

– Как мы его искать-то будем, если он без ошейника? С его способностью хамелеонить...

– Майор на докладе у профессора Лёдуса! Всё же это его подопечный сбежал. Заодно хочет попросить у него четырнадцатого нам в помощь выделить. Тот, хоть точного местоположения Домового и не определит, но примерное укажет. Ну а там уже за нами дело...

* * *

Майор в это время стоял в кабинете перед сидевшим за столом профессором Лёдусом и после доклада более развёрнуто отвечал на его вопросы.

– Как он ошейник сбросил?

– Неизвестно. Сопровождавшая Домового группа этот момент не зафиксировала. Всё внутри квартиры произошло. Вообще на видео с их шлемов мы ничего нового, чего бы он

раньше не умел, не заметили. Единственно что – мимикрия у него ещё больше эволюционировала, научился полностью невидимым становиться.

– Как это установили?

– Он в один момент – не как обычно, на фоне чего-то там, а прямо перед Дерптским и Тарту маскировку сбросил; те его до последнего не замечали. А потом сразу ушёл в ускорение и за несколько секунд ломиком обоих...

– Что, прости? – За всё время доклада только теперь у профессора на лице эмоции проступили, до этого казалось, что он только из вежливости вопросы задаёт. – Чем он с ними расправился? – удивлённо переспросил он.

– Ломом он их убил, – хмуро повторил майор. – В ускорении он этим ломиком шлемы парням как орехи расколот. Вернее, визоры шлемов. Они хоть и противоосколочные, но вот такого варварства не выдержали.

– Креативно, – хмыкнул профессор, но практически сразу же вернул на лицо бесстрастное выражение. Пару минут подумал, потом кивнул согласно: – Хорошо, берите четырнадцатого и действуйте.

Майор кивнул в ответ, поблагодарил, но уходить не спешил, напомнил об ещё одной проблеме:

– Что с оставшимся охотником делать? Двое всё же согласились перенести охоту, но один упёрся. Недоволен, что ни Домового ему не досталось, ни лотерейщиков. Парни тех сами покروшили, когда его искали. Требуется во что бы то ни стало взять его с собой в погоню за беглецом.

– Что ж, если он настаивает, пусть едет с вами, – тут уже профессору не нужно было изображать безразличие, ему это действительно было неинтересно, – но сначала пусть подпишет отказ от претензий и что полностью осознаёт грозящую ему опасность. И в поиске, майор, ваша первоочередная задача не охотника охранять, а этого Домового поймать. Желательно живым. Очень мне интересно, как он ошейник скинул и выжил, столкнувшись лицом к лицу с ноль вторым.

Задумчиво смотря на закрытую за майором дверь, профессор Лёдус раздумывал о побеге номера пятнадцатого и понимал, что в случившемся немало его собственной вины. Всё же нужно было, как и предлагал знахарь перед уходом, дожидаться его возвращения и только потом уже начинать очередной этап эксперимента.

«Но кто мог знать, что он так быстро освоится с новой пока ещё неизвестной для нас способностью и сумеет от ошейника избавиться. Раньше пятнадцатый такой прыти не демонстрировал в освоении даров. Но самое обидное даже не в том, что он сбежал, а в том, что эта его новообретённая способность так и останется необследованной. Нужно группе ещё раз – не через майора, а лично самому – напомнить, чтоб, если живым подопытного захватить не получится, ликвидировали только после демонстрации тем его нового дара».

* * *

– Подъём, боец! – вошли в камеру к Серёге Котову двое охранников.

Лежавший и предававшийся совсем уж невесёлым мыслям до их прихода, Серёга вскочил с кровати, с изумлением глядя в непрозрачные визоры гостей. Он переводил взгляд с одного на другого и судорожно пытался понять: чего это они его бойцом обзвали?

Долго гадать, впрочем, не пришлось: тот же охранник, что и «подъём» скомандовал, тянуть резину не стал, а принялся изумлять Серёгу и дальше:

– Работа сверхурочная для тебя есть. Выполнишь – можешь рассчитывать на любую награду. Вплоть до освобождения. Отпустить не отпустим, но нормальное место работы с комфортным жильём обеспечим.

До этого момента Серёга с каждым днём всё больше погружался в пучину отчаяния. Он боялся, до ужаса боялся! Всё дело в том, что после единственного положительного выданного им результата больше ничего не получалось. И он боялся, что его снова начнут бить, а то и снова отрежут каким-то чудом отросшие... Кхм. Снова его евнухом сделают. Поэтому отвечал он, особо не раздумывая...

– Что нужно делать? – охрипшим от волнения голосом выдавил Котов.

– Дружок твой, Домовой который, сбежал! – Серёга сначала оторопел от такой новости, а потом на смену страху и отчаянию пришла чёрная зависть, щедро сдобренная застарелой и уже здесь хорошо вскормленной ненавистью.

Ещё до школы они с Афоней были лучшими друзьями, благо жили недалеко. И даже потом, когда родители Сереги купили квартиру и они съехали от бабушки с дедушкой, их дружба не прервалась. Мало того, что в одну школу пошли, так ещё и в одном классе оказались.

И всё было нормально, но во втором классе к ним новая учительница пришла, подменявшая заболевшую классную. И вот она, не разобравшись, вlepила Серёге двойку и за знания, и за поведение. Бумажками он плевался, видите ли, а потом на вопрос ответить не смог и задачу по арифметике неправильно решил. Вот и украсила дневник жирная двойка, хоть тогда никому ещё вообще в классе оценок не ставили. Ну а дома батя, который пусть редко, но всё же брался за воспитание сына, после жалобы матери, сразу его двойку срисовавшей, в качестве наказания отменил поход на стадион, где на выходных каскадёры демонстрировали автородео.

Потом, слушая, что и как там происходило, он в первый раз Афюню Ботаном и назвал. Тот, в отличие от него, на шоу побывал, что вызвало дикую зависть и стало причиной первой серьёзной размолвки.

А дальше пошло-поехало: Афоня учится лучше – обзывать его, а то и в лоб заехать. Но он сдачи даёт больно. Подключить нового дружка к этому развлечению. Весело было, пока Афоня им двоим не ввалил – что в первый раз и подняло в душе на поверхность что-то чёрное, жуткое, напугавшее самого Серёгу.

Ненависть!

Уже здесь она приобрела просто невиданные масштабы. Мало того, что Афоня, в отличие от него, пробудил такие интересные способности – а о своих Котову и вспоминать не хотелось, – так ещё и его триумф... Как Серёга радовался, когда способность ищейки пробудилась! Это было невероятное счастье, когда он играючи этого Домового, где бы тот ни спрятался, находил.

Ботан украл его способность! Закольцевал на себя и сделал её бесполезной во всех других случаях. А сейчас этот вор ещё и сбежать умудрился!

Внутри снова, как и в детстве, только во много раз сильнее, полыхнуло чёрной завистью, щедро сдобренной ненавистью.

– Я найду тебя и убью! – помимо воли вырвалось у номера четырнадцатого.

– Ты же его чувствуешь? – дождавшись предсказанной психологами реакции, подал голос до этого молчавший Халла. – Где он сейчас находится?

Как стрелка компаса, голова номера четырнадцатого повернулась в нужную сторону.

Глаза Халла за визором шлема радостно блеснули, а пальцы сжались в предвкушении, мысленно уже сомкнувшись на горле у Домового.

– Значит, слушай сюда, боец, – сержант Орава чуть наклонился к четырнадцатому. – От меня ни на шаг не отходишь, даже дышишь только по команде. Но если без косяков, качественно выполнишь свою работу, всё ранее обещанное сполна получишь. Понятно?

– Я найду тебя и убью! – донеслось в ответ.

* * *

С самого начала всё чуть прахом не пошло. И хоть прояснилось одно из многих волновавших меня «как» – на тот момент оно не очень меня обрадовало.

Оказывается, мой дар ускорения ещё развился. Как в фантастике, где космические корабли, чтобы в гипер уйти, сначала скорость определённую набирают, а потом уже прыгают. Вот и я так прыгнул, только без всяких там спецмерцающих эффектов. Мгновенное перемещение в пространстве: сначала я из квартиры с Пургеном, а потом из подъезда к «броненосцам» переместился.

«Вот они, наверное, удивились такому подарку! – хмыкнул я нервно. – Только на мои поиски отправились, а тут на тебе, я прямо перед ними из гипера вышел».

Но надо отдать им должное, удивиться-то удивились, но среагировали мгновенно. Не успел я предстать перед ними, как они сразу же вскинули оружие и дали очередь – по тому месту, где я только что стоял.

Повезло, что при выходе из гипера ускорение только немного понижается, а не в ноль сбрасывается. Так что это было и всё, что они успели сделать. Я сам, хоть и офигел, но замораживаться вновь открывшимися способностями не стал, а сделал круг в несколько шагов, одновременно и уходя из-под очереди, и, прямо как метатель диска, разгоняя «Дикаря». Надетые на головы шлемы не стали для лома препятствием, из-за ускорения они оказались чуть ли не насквозь пробиты: сначала у одного, а потом, после очередного такого же трёхшагового разгона – и у второго.

Наконец справившись с охватившей меня дрожью – всё же прилично так адреналинчика хапнул, – я первым делом наклонился и вместо так и оставшегося торчать в башке у второго броненосца «Дикаря» подобрал выроненный им автомат. Чтобы убедиться: как в прошлый раз он стрелять не хотел, так и сейчас не хочет. Только зря на к... спуск, мать его, нажимаю.

Ну и чёрт с ним! Я отбросил его в сторону и тут же, втянув голову в плечи, по сторонам нервно осмотрелся.

Автомат громыхнул по асфальту, и я только после этого вспомнил, что помимо дохлых Пургена и «броненосцев», тут и другие где-то рядом бродят.

Чудо, что ещё не заявили.

Так что больше я не стал терять время. Первым делом самое для себя ценное подобрал: фляги с наркотой – полную «броненосца» и почти пустую мою.

На руки они, как способность «хамелеона» стала усиливаться, совсем каплю наркоты давали. При нужде охранники из своей фляги доливали. Боялись, наверное, что сбегу.

«Одного не пойму, как это возможно с ошейником на шее осуществить было? – раздумывал я, занимаясь обыском «броненосцев». – Подожди, это что получается, я мог реально ошейник этой своей энергией подавить и просто снять его? Этого они боялись, потому и наркотой нормально не снабжали?»

От пришедшей в голову мысли я даже замер на миг, но тут же тряхнул головой – не время философствовать. То, что искал, я нашёл, так что принялся в темпе шарф с повреждённой руки разматывать.

На поясе у «броненосца» небольшой пластиковый кофр висел, вот оттуда я тюбик и достал: единственное, что из всего набора смог уверенно опознать. Неоднократно на мне этот гель использовали. Так что я смело, как только шарф разматал, содержимое тюбика на порез по всей его длине выдавил. Гель сразу же вспенился, а потом всосался, или не всосался, но рану собой покрыл, застыв мягкой плёнкой сверху.

Хорошая вещь этот жидкий бинт. И обезболит, и обеззаразит, и заживлению хорошо помогает. Во всяком случае, кровь после нанесения его на рану сразу же идти перестаёт. Так

что к флягам с наркотой два тубика с гелем добавились, как и шприцы с противошоковым, или с чем они там, не знаю. Но их мне тоже кололи, когда серьёзную рану наносили. Судя по разговорам, этот спек должен мне помочь не сдохнуть.

И всё: больше, кроме ножей, с тел «броненосцев» взять нечего. Хоть на них ещё много разного и повешено, и в аптечке много ещё чего есть, но брать, чтобы тупо таскать незнамо что? На фиг!

Тем более рюкзака никакого у меня нет, не в чем таскать. То, что взял, по карманам распихал, ножи на снятый с тел пояс повесил, фляги... Одну, почти пустую, тоже на пояс, вторую в руках пока потаскаю. На пояс её вешать – штаны точно потеряю.

Всё, пора сваливать!

Посмотрел я на тушу Пургена, перевёл взгляд на «броненосцев» с так и торчащим «Дикарём» в голове у одного. Забирать лом я не стал, так как воевать больше не собирался. Пусть привет передаёт спешащей сюда кавалерии.

– Точно пора валить! – услышал я приближающийся стрёкот вертолёта.

Глава 7

Я всё же вырвался из этого непонятного города.

Не сказал бы, что это трудно было, но – напряжно. Особенно когда над головой вертолёт носился с торчащим из люка пулемётчиком. Я всё боялся, что они меня, как и Пурген недавно, смогут под «хамелеоном» заметить. Но нет, не заметили. Как и зомбаки не заметили, которых эти полёты прилично так переполошили. Они начали вслед за летающим вертолётom бродить, постепенно собираясь в огромную толпу.

Очень, очень вонючую толпу!

Казалось, ко всему уже привык за время пребывания на фабрике суперов, но к такой газовой атаке я, наверное, не привыкну никогда. Хорошо хоть, зомби, за редким исключением, предпочитали по дорогам ходить, так что мне не приходилось кругалю выписывать, чтоб их миновать. Зато от источаемой ими вони меня это не спасло, такое было ощущение, что полностью ею пропитался – одежда уж точно. Вот от неё и пришлось избавляться, когда по пути я на спортивный магазин «Лидер» наткнулся.

Заскочил я в него, убедился, что есть во что переодеться, сразу же метнулся к расположенному наискосок через дорогу «Хорошему» магазину продуктов, где воды с приличным запасом набрал. Вернувшись в «Лидера», устроил себе банный день, остервенело оттираясь магазинными футболками от, казалось, навечно въевшейся в кожу вони.

Зато с каким удовольствием я потом в чистую одежду оделся, с сожалением поглядывая на свою старую! Очень уж она комфортная была. Но стирать её было негде и некогда, а помимо вони я её прилично так кровью изгваздал. Так что оставил я себе только кроссовки: они, в отличие от всего остального, в нормальном состоянии были.

В этом же магазине я себе и небольшой рюкзак на двадцать литров подобрал, а потом его в «Хорошем» магазине продуктами и водой забил, положив туда же добытые трофеи. И, больше не задерживаясь, двинулся дальше, стараясь с мертвяками совсем не пересекаться: не хотелось и эту одёжу провонять.

И совсем неожиданно, через квартал, я вышел к краю города. Постройки в этом месте как-то резко обрывались.

Очень резко.

Я миновал очередную пятиэтажку, а за ней через дорогу поле начиналось с лесом на противоположном конце. И никакого тебе пригорода, как это обычно бывает. Такое ощущение возникло, будто город под линейку обрезали. На это дорога прямо намекала: она как раз через поле к лесу шла. Так вот, на перекрёстке асфальт ровнёхонько так отчекрыжили и грунтовку пристыковали, и очень уж это всё в глаза бросалось.

Но мне снова не до странностей этих было – сегодня их и без того хватало. Так что по грунтовке – по обочине, вернее, чтоб не пылить – я и побежал. Только сначала я дождался очередного пролёта вертолётa над головой и, как только он удалился на приличное расстояние, раскочегарил «хамелеона» на полную да и рванул через поле к лесу, не переходя, впрочем, в ускорение. Сейчас важнее была маскировка, чем скорость.

– Да-а!!! – Добравшись до леса, я окончательно поверил, что у меня всё получилось. – Да, мать вашу! – выдохнул я сквозь плотно стиснутые зубы, привалившись спиной к дереву.

И совсем неожиданно из глаз полились слёзы, выплёскивая то напряжение, в котором я весь сегодняшний день находился. Поспешил их вытереть, сам себя застеснявшись от такой чувствительности.

– Выкусите, твари! – показал я средние пальцы с двух рук сразу продолжающему нарезать круги над городом вертолёту. Сквозь заросли его сейчас хорошо видно было.

Затем я снял с пояса свою уже почти пустую флягу: наркотой требовалось заправиться, а то так долго я «хамелеона» ещё не держал, он забрал много сил, и уже сушить прилично начало. Открутил колпачок, поднёс флягу к губам – и теперь слёзы уже по другой причине выступили. Скривившись от омерзительного запаха, исходящего из фляги, я поспешил свободной рукой нос зажать, прежде чем добить остатки, плескавшиеся на дне. И главное, это была полностью моя вина, что приходилось сейчас давиться. Как говорится, зажрался. Надоел мне миндальный привкус...

* * *

– Слышь, ведроголовый, – окликнул я как-то принёсшего мне завтрак и новую флягу с наркотой «броненосца». – А наркота у вас тут одного вкуса или поменять можно? А то, если честно, уже зубы сводит от этого шоколадного привкуса.

Зубы сводит от привкуса... Это я ещё не знал, как может зубы сводить!

Просьбу мою выполнили: в следующий раз принесли жидкость уже с новым вкусом и запахом. Не знаю, что они туда намешали, но вонь из фляги такая пёрла, что нос приходилось зажимать, чтобы глоток сделать. Но вонь – это ещё не самое страшное, а вот вкус... Где моя наркота с изысканным миндально-шоколадным привкусом? Такое ощущение складывалось, что в флягу помоев прокисших плеснули и сивушным вонючим самогоном залили сверху. Вот и получилось, что ты её туда, а она, зар-раза, сразу обратно; ты её снова туда и с трудом сдерживаешься, чтобы она опять обратно не попросилась. Вот такую они мне наркоту подогнали.

И не пить нельзя: до сих пор та моя попытка в ужас вгоняет; так что давлюсь слезами и тем, что обратно просится, но глотаю.

На робкую попытку вернуть прошлую, кто бы сомневался, последовал ответ:

– Вернём, как только нужную способность у себя пробудишь.

* * *

Несмотря на столь «приятный» вкус, я всё же добил флягу и, хорошенько её прополоскав, наполнил водой. И тут же, настроившись на свою целительскую способность, сделал воду «живой». Чувствую, она мне в немалых количествах понадобится. Мало того, что силы хорошо восстанавливает, так она ещё и наркоту экономит. Знахарю я этого не показывал, давился помоями по расписанию, но вот то, что её меньше надо, когда «живую» воду пьёшь – это точно. Теперь вот проверим, насколько она сможет наркоту заменить; может, мне этих помоев вообще не придётся пить.

Придётся!

За четыре часа я отмахал, наверное, километров тридцать и, несмотря на то что «живой» воды прилично так выпил, да и по пути иногда глотки делал, но чувствовал, что она уже не особо помогает. Жажда, пусть и приглушённая, но ощущалась. Так что нужно было или темп сбрасывать, или наркоту пить.

Я скинул рюкзак с плеч и полез новую флягу распечатывать.

Глоток свежих, особо ароматных помоев, запить «живой» водой. Ещё глоток. Отдышался, флягу с наркотой – обратно в рюкзак, с «живой» водой – на пояс, и быстро принять решение: В какую сторону двигаться? Вопрос возник, поскольку остановился я на лесном перекрёстке. В сторону от основной хорошо накатанной грунтовой дороги, по которой я всё это время и бежал, отходила ещё одна, слабо наезженная, заросшая травой и укрытая сверху нависающими над ней кронами деревьев.

Впрочем, не особо долго я и раздумывал. Дух перевёл, поправил на плечах рюкзак, ремень на поясе подтянул и уверенно направился на юго-запад по этой новой дороге. Бежать

по ней не получится, но этого уже и не требуется: всё же от города я прилично удалился, и в данный момент нет смысла жилы рвать и силы тратить. Зато есть много о чём подумать, что при ходьбе особо хорошо делается.

Странности множились со страшной силой. И сама эта фабрика суперов – но с этим ещё можно смириться, мало ли по стране таких секретных объектов. Но вот вымершие города и посёлки, полные зомбаков... Такое, мне кажется, точно без внимания не осталось бы. Единственная мысль, что в голову приходила: наступил зомби апокалипсис. Много об этом писалось, вот и накаркали. Теперь бы разобраться, это повсеместно случилось (если случилось) или только какую-то одну область накрыло? Но чтобы разобраться, нужно у кого-нибудь спросить, что в мире делается, и с этим снова проблема. Один раз, пока бежал, я пересёк шоссейную дорогу, но по ней ни одной машины не проехало – что для такой дороги нехарактерно. Минут двадцать я лежал в придорожных кустах, но так никого и не дождался. И это подтверждало мысль об апокалипсисе: шоссе могли перекрыть, или по нему уже некому было ездить.

Но это ладно, я надеялся нормальных людей всё же встретить и всё у них узнать – и как домой добраться в том числе. Если кирдык не повсеместный, то главное – домой вернуться, а там уже начнём шум поднимать. У родителей, особенно у матери, знакомых хватает, разберёмся, что это за «броненосцы» такие на вертолётах тут летают и людей похищают.

О том, что мой город может быть таким же, как тот, из какого недавно сбежал, я старался не думать. Хоть перед глазами так и вставала картина с лежащими тут и там трупами: их я тогда впервые наблюдал в таком количестве.

Тряхнув головой, я развеял эту картину и о другом задумался. А именно – о «демоне».

– Брр, – аж передёрнуло меня всего, как я вспомнил отражение в зеркале. – До чего же жутко выглядело.

Но жутко или нет – тот «демон» меня тогда спас. И мне было очень интересно, как именно я в него смог превратиться. Ясно, что это моя новая способность пробудилась, и как бы не та самая, которую от меня всё это время требовали. А именно – неуязвимость! Всё же лапа Пургена сквозь меня тогда прошла, так что это всё равно что неуязвимость. Она, родная.

– Но как её вызывать? К какой эмоции привязывать? – спросил я сам у себя тихонько.

А в ответ только кроны деревьев шумят, покачиваясь на ветру, да кукушка издевается, отсчитывая мне просто неприличное количество лет жизни. Как будто я не знаю, что жить мне столько, сколько наркоты во фляге осталось. Такие вот водяные часы. Сделал глоток – убавил опущенное мне время.

Но я ни о чём не жалею! Всё равно бы меня там залечили или на запчасти в итоге разобрали. Экспериментаторы чёртовы! А так я, пусть и немного, но поквитался с ними за всё то, что они сделали.

Но факт остаётся фактом: когда наркота закончится, то всё – или сдаваться, или подыхать в мучениях. Ну или самый оптимальный вариант, так как ни первый, ни второй вариант меня не устраивал: головой вниз с какой-нибудь высоты. А ещё лучше найти нормальный ствол, который у меня в руках выделяться не будет, и мозги себе вышибить. Быстро и безболезненно. А то прыгать мордой об асфальт всё же страшновато.

– Мать! – Не знаю, обо что я споткнулся, но сделав несколько быстрых шагов, растянулся во весь рост.

Грохнулся прилично – показалось, даже что хрустнуло что-то.

– Не показалось, – замер я, прислушиваясь.

Вдали раздался глухой щелчок, и ещё один, а потом и несколько сразу, но уже более громких и резких.

– Ну надо же, только подумал о нормальном стволе – и вот тебе на, стреляют, – хихикнул я несколько истерично. – Прямо подталкивает кто-то именно этот вариант самоубиться выбрать.

Я поднялся с земли, отряхнулся, всё так же прислушиваясь и стараясь на слух определить, сколько именно человек стреляет. Но так и не смог этого сделать. Ясно, что больше двух, но насколько больше...

При этом громко стреляют, а ведь у «броненосцев» оружие тихое, только шипит и пыхает себе тихонько. Так что это точно не они: или охотники, или отдыхающие какие-нибудь резвятся, или... Неважно, кто там! Главное, там есть те, кто на мои вопросы ответят.

А в том, что ответят, я не сомневался. Пусть «Дикаря» со мной сейчас и нет, но есть добытые у «броненосцев» ножи. И тут ещё неизвестно, что страшней, ломик или нож. Так что если заартачатся, то будем пугать.

Через два километра лес резко кончился, и открылся вид на небольшой пруд и посёлок, домов на триста, расположенный на другом его берегу.

– Снова зомби, – пробормотал я тихонько, прячась за деревом. – Зомби-апокалипсис всё же наступил, по ходу, раз и здесь мертвяки бродят.

Двухэтажный дом, построенный несколько наособицу, да ещё и отгороженный от остальных высоким кирпичным забором по бокам и сзади, и кованой решёткой спереди – именно там и засели стрелки. С комфортом расположившись на длинном балконе вдоль всего второго этажа, они как-то... как бы сказать: обыденно, что ли, занимались отстрелом подтягивающихся на шум зомбаков.

Оглядевшись по сторонам, я никого закованного с ног до головы в броню не заметил, и других звуков, кроме выстрелов, не услышал. Решил всё же пообщаться со стрелками, и уже через час...

«Мать! – взвыл мысленно. – Вот что со мной такое?»

Ведь нормально соображал, когда пруд вокруг обходил, потом к дому подкрадывался и через забор перебирался. Но стоило уже на балконе «хамелеона» сбросить, как я взял и выдал:

– Мужики, а чё вы тут такое делаете?

Как будто я ещё с того берега не увидел, что именно они тут делают. Увидел. Но вот как им на глаза покажусь – не продумал. Вот и пришлось Нео из «Матрицы» изображать; правда, уклоняться от выстрелов в упор я не стал, а просто на пол грохнулся, пропуская ответ на свой тупой вопрос над головой. А затем и в регби пришлось поиграть, как когда-то с «броненосцами», а то стрелки на одном залпе решили не останавливаться. В ускорении из положения лёжа я рванул на таран и, сбивая с ног, разоружил четверых... Больше всего на простых охотников они внешне походили. И эти охотники совсем не рады были меня видеть.

– Эй-ей, не дури! – Я увидел, как у первого из мной сбитых рука к пистолету на поясе движется, и быстренько метнулся к стоявшему возле стены под окном столу, где среди сваленных в кучу боеприпасов оружие лежало. Сначала потянулся взять двустволку Ramming 700 N.E, как сбоку на ней было написано, но вовремя одумался: очень уж она внушительно выглядела, гаубица ручная. Схватил АКМС. С этим оружием я хоть немного был знаком. Один раз АК-74, «Весло», как его обзывали, я разобрал на уроке ОБЖ (Основы безопасности жизнедеятельности). Тогда нас, добровольцев из десятого и одиннадцатого классов, получивших разрешение у родителей, вывозили в расположенную рядом часть, знакомили с оружием и некоторым даже пострелять разрешили. Так что я, хоть и не стрелял из него, но подхватил уверенно. И с предохранителя снять, как и затвор передёрнуть с первого раза, у меня быстро получилось. После чего, направив автомат на уже лапающего пистолет мужика, я произнёс:

– Руку от ствола убрал! Быстро!

Мужик рисковать не стал и, глядя поверх ствола на меня, спросил:

– Ты откуда тут взялся? – при этом медленно убирая руку от кобуры.

– Ты кто такой? – одновременно с ним и второй из четверых голос подал. Ещё двое только в себя приходили, неудачно упали.

– Человек прохожий! – рыкнул я в ответ. – Вы чего такие нервные, а?

– Ну так обстановка вокруг ни разу не спокойная, а тут ты такой красавец непонятно откуда появляешься, – спокойным, успокаивающим даже голосом заговорил со мной тот, что к стволу тянулся, предварительно взглядом заткнув второго, фитиля белобрысого. – Ты из какого стаба, парень? Что-то я тебя раньше в наших краях не видел.

– Чего? – реально не понял я, о чём он спрашивает. – Какого такого стаба?

– Ты что – свежак? – неслабо так удивился он. – Вернее, только провалился в этот мир?

– В этот мир? – От непонимания у меня ступор случился, и я завис, как баран уставившись на него.

– Ну ты, Скай, и вопросы задаёшь, – не выдержал белобрысый. Остальные двое хоть в себя и пришли, но в разговор вступать не спешили, молча за нашим разговором наблюдали. – Парень, по ходу, в туман попал и до сих пор блуждает, как тот ёжик.

– В туман попадал, – кивнул я ему, вспомнив, кажется, уже далёкие школьные времена. – Потом чертовщина какая-то происходить начала, люди куда-то пропали, зато появились трупы и «броненосцы» на непонятном вертолёте.

– Ты че, с внешниками встречался? – теперь и белобрысый на меня, вытаращившись, смотрел.

– С внешниками? – Тупил я по-чёрному: вроде и на одном языке разговаривали, а не понимал я ничего, как будто с иностранцами общался.

– Ну, как ты и сказал – «броненосцы»! С ног до головы в доспехах, шлемы не снимают никогда, и оружие у них крутое.

– Ну, да, с этими встречался, – криво усмехнулся я. – Не понравилось мне у них... – И оборвал сам себя, не договорив, очень уж многозначительно эти охотники между собой переглянулись.

– Оп-пачки! – протянул Скай, снова на мне взгляд сосредотачивая. – Так ты у них и погостить, оказывается, умудрился. Как же ты сбежал, парень?

– Повезло просто, – ответил я нехотя, мысленно костеря себя последними словами за длинный язык. Вроде хотел их расспросить, а получилось, что сам всё о себе рассказал. Даже то, что не планировал. – Почему – внешники?

Но ответа на свой вопрос я так и не дождался, зато понял, почему эта четвёрка расслабилась под дулом направленного на них автомата и уже как-то насмешливо на меня посматривать стала.

– Замер на месте! – прозвучала команда из-за спины.

– И даже не дыши! – другим голосом прозвучала вторая.

Замереть замер, но голову рефлекторно повернул вбок, посмотрел через плечо назад, кто там ко мне с тыла подобрался, пока мне тут зубы заговаривали.

– Я сказал – замер! – повторно рыкнул просто огромный бородатый мужик, целясь в меня из гаубицы наподобие той, что на столе так и осталась лежать.

– Вовремя вы, – усмехнувшись, проговорил Скай поднимаясь.

– Прикинь, Чекан, парень свежак и от внешников сбежал, – затараторил белобрысый, вскакивая на ноги. – Можем прилично заработать, они за таких бегунов обычно нехило башляют.

Кивнув, что услышал, бородач и, как оказалось, Чекан, не расслабляясь, молча продолжал меня на мушке держать.

– По моей команде медленно опускаешься на колени, держа руки перед собой, – продолжил говорить второй, напарник Чекана, что на фоне здоровяка просто терялся. Впрочем, менее опасным он от этого не становился. Взгляд этого чернявого мужика своей остротой неприятно царапал мне спину, показывая, куда он целится из автомата, и одновременно как бы предостерегая от необдуманных действий. – Парень ты шустрый, но не дай бог ты лишнее или резкое движение сделаешь, завалю сразу. Всё понял?

– Понял, – как он и говорил, не делая лишних движений, ответил я ему.

– Ну, раз понял, то...

Зря он мне время дал, нужно было или сразу стрелять, или сразу же на колени ронять, без всяких там предварительных объяснений. А так я, ещё когда марафонца изображал, убегая подальше от города, телепортироваться научился. Оказалось совсем не трудно. Да что там «не трудно», такое ощущение создается, будто всегда это делать умел. Вот и получилось, что пока чернявый меня просвещал, я в разгон вошёл и присмотрел точку, куда нужно переместиться. И как только последовала команда:

– ...на колени!

Свет на мгновение мигнул, и я уже у этой парочки за спиной стоял.

Их ошибки я совершать не стал. Да и из-за того, что они хотели на мне заработать, сдав внешникам, жалость или какие другие человеческие чувства в их отношении у меня сгорели в пламени ненависти к «броненосцам», осыпавшись пеплом равнодушия. Так что я, как только переместился, сразу же стрелять и начал: чернявому в голову и, не убирая палец с к... со спуска, мать его, очередь полоснул по Чекану.

И тут же, с трудом прекратив стрелять и молясь, чтоб в автомате ещё патроны остались, заорал:

– Оружие! Бросили оружие, уроды!

Сбитая с ног и разоружённая недавно четвёрка уже успела встать и подобрать отброшенные мной в сторону стволы, и теперь замерли, с ужасом смотря на меня. Не ожидали, твари, такого развития событий. Теперь-то со спины ко мне никто не подберётся и их не спасёт.

– Парень... – сделал попытку заговорить со мной Скай, как его фитиль белобрысый называл, держа в одной руке двустволку шестнадцатого калибра. Другую руку он в мою сторону протянул, пытаясь успокоить.

– Оружие на пол, я сказал! – не прекращая орать, направил я на него автомат. – Завалю!

Не знаю, что хотел сделать белобрысый со своим «Вепрем» с отсоединённым магазином: он в это время, когда власть снова поменялась, как раз перезаряжал оружие – но дёрнулся он явно не просто так. Ну а я рефлекторно нажал на спусковой крючок и попал сначала в Скаю, а потом, повернув автомат, и в самого белобрысого. Правда, уже последними патронами: автомат после короткой очереди вхолостую щёлкнул затвором.

– Мать! – выругался я, и пока оставшаяся и чудом уцелевшая двойка этих долбанных охотников не очухалась, отбросил свой и подхватил другой автомат, взяв его у чернявого. Он совсем не возражал – от головы у него мало что осталось, в отличие от бородача. Тот на удивление живучий оказался, хрипел пробитыми лёгкими и даже делал попытки подняться.

– Оружие бросили! – снова заорал я, направив новый ствол на оставшуюся и не думающую шевелиться парочку.

В этот раз до них дошло и, разжав руки, они уронили ещё одну двустволку и «Вепря» на пол.

– Отошли назад! Быстро!

И это они без возражений исполнили, сделав три шага назад, и уже без моей команды упали на колени и задрали руки вверх. После чего в первый раз заговорил ещё один бородастый из их компании:

– Парень, Шило и Ская ты завалил, но если я сейчас не вколю спек Чекану и Длинному, то и они загнутся. Позволь, я это сделаю, и мы успеем их довести до стаба, чтоб спасти. Там же и ответим на все твои вопросы...

– Ты меня совсем за идиота держишь? – Я от удивления даже орать прекратил, вытаращив на него глаза.

– Ну, да, предложение так себе, – кивнул он, чуть опустив руки.

О чём я ему не преминул напомнить:

– Руки не опускать! Как там твой покойный друг говорил? «Не дай бог ты лишнее или резкое движение сделаешь». Вот и я тебя предупреждаю: завалю сразу! Понятно?

Всё внимание я сосредоточил на бородаче, так как Чекан и Длинный – чуть-чуть я не угадал с кликухой у фитиля – хоть и не померли, но и выдать ничего неожиданного не могли. Чекан, заливая пол кровью, всё так же копошился, то приподнимаясь, то падая; Длинный вообще, подтянув колени к груди, замер. Последний уцелевший охотник спёкся. Не самый мелкий, но самый худощавый, его сейчас такой трясун бил, что даже захоти он что-либо предпринять, ничего не выйдет. Да и смотрит он на меня с таким ужасом, что я и не ожидаю от него ничего. А вот этот бородач совсем немного нервничает, можно сказать, спокойно на меня смотрит.

– Понял я всё, парень! Понял! – снова приподнял он руки. – Но всё же разреши парней уколоть и живцом напоить, а то ведь помрут. После, обещаю, сразу на все твои вопросы отвечу, да и разбежимся в разные стороны.

Я решил всё же разрешить, а то упрётся и не расскажет ничего. Пытать же вряд ли у меня получится. И так сейчас ком к горлу подступает, отходняк начинается. А ведь я думал, что после «броненосцев» человека завалить – раз плюнуть. Ан нет, не так оно и просто.

– Коли!

– Вот спасибо...

– Медленно, очень медленно доставай свои уколы, – притормозил я его. – Чтоб я каждое твоё движение видел! Если хоть что-то мне не понравится, покажется подозрительным, завалю и тебя, и дружков твоих.

Не зря, похоже, тормознул его: рука у него вильнула и вместо одного подсумка другой открыла. Как я и требовал, он медленно достал коробочку и, открыв её, показал мне четыре шприца и какие-то шарики, упакованные в прозрачный полиэтилен.

Так же медленно, переходя от одного к другому, он по два шприца вколол Длинному и Чекану в вену. Ловко так жгутом руку перехватил и с первого раза куда нужно попал, выдавая немалый опыт в таких делах. После уколов напоил их из снятой с пояса фляги.

«Нужно будет узнать, что это за живец такой», – мысленно добавил я ещё один вопрос в копилку к другим.

– А теперь возвращайся на место, – поторопил я его, а то мужик замер с последним шприцом в руках и не спешил от него, как от других, избавляться, – и давай рассказывай. Что твой дружок имел в виду, когда о новом мире говорил? Что за спек ты колол, и что за живец такой? Почему «броненосцы» – внешники, и насколько большая территория под зомби? И да, что это за туман такой с молниями был, тоже не забудь рассказать.

Бородач на миг замер, сжав шприц, но тут же отбросил его в сторону и вернулся к своему всё так же трясущемуся товарищу.

– Скай правильно всё говорил: мы не на Земле находимся...

– Гонишь! – не выдержал я того бреда, что он нести начал. – Ты ещё скажи, что внешники – это злобные инопланетяне, которые меня похитили и эксперименты... Кхе, – кашлянул я, обрывая сам себя. Ведь те твари эксперименты надо мной действительно проводили. Может, действительно инопланетяне? Я решил больше не прерывать его, а сначала выслушать, и кивнул: – Продолжай рассказывать.

– Поверь, парень, мы действительно не на Земле находимся! Этот мир мы называем Ульем или Стиксом – так его умники некоторые называют. И внешники действительно инопланетяне, – усмехнулся он кривовато. – Но давай я по порядку всё буду рассказывать, чтоб самому не запутаться и тебя не путать?

– Рассказывай.

– Так вот, самая фантастика состоит в том, что параллельные миры Земли действительно существуют. Их множество, и это доказанный факт! Не знаю, да и никто не знает, кто создал

Улей. Этот мир или копирует с помощью того тумана с молниями, в который и ты попал, или просто вырывает с его же помощью целые куски территорий из этих параллельных миров и размещает их у себя, как соты в улье. Мы эти соты кластерами называем. Их границу легко можно увидеть, одна территория резко обрывается, как ножом обрезанная, и к ней стыкуется другая, но уже отличная от предыдущей. Обычно этих отличий немного – там трава и деревья одного типа, на соседнем кластере уже другого. Дорога асфальтированная – дальше бежит грунтовая...

Я в этот момент именно дорогу за городом и вспоминал, на которую ещё тогда внимание обратил. Так что хоть и не верится мне во всех этих пришельцев и параллельные миры, но пока его рассказ укладывается в то, что я сам наблюдал. Поэтому я, не мешая, кивнул рассказчику, подтвердив, что такие границы действительно наблюдал.

– Обычно Улей эти соты старается состыковать рельеф к рельефу, – видя, что я не собираюсь его в этот раз прерывать, продолжил рассказывать мужик. – Как мозаику складывает: чтоб река стыковалась с рекой, дорога с дорогой, а лесную или степную местность с аналогичной соединяет. Но часто и по-другому случается, особенно здесь, на Внешке. Тут кластеры небольшие в основном, и часто можно встретить огрызок крупного города или местность, не соответствующую соседской. – Тут он взял небольшую паузу, но после неё не продолжил свой невероятный рассказ, а обратился ко мне с просьбой: – Парень, руки уже онемели, мочи терпеть нет, может, мы со Стартом их опустим? А то от усталости дёрнем ими, и ты нас пристрелишь, так самого интересного и не узнав.

Я посмотрел задумчиво в ожидающие моего решения и такие искренние глаза, перевёл взгляд на Старта – того уже колбасило не по-детски, видимо, действительно руки устал задранными держать.

– Опускайте! – кивнул я согласно и добавил: – Садитесь на задницу, спиной к стене, руки на коленях должны постоянно лежать. Начнёте ими размахивать – почесаться захочется или ещё чего – стреляю без предупреждения.

После того, как они пересели, сам я сместился чуть вбок, чтоб и их, и раненых без напряжения контролировать можно было. А то если Длинный как валялся скрюченный, так и валяется, то Чекан сначала после укола спека успокоился и лежал смирно, а теперь думает, наверное, что я не замечаю, как он начал за мной сквозь чуть приоткрытые веки наблюдать.

– Вот спасибо, парень! Так намного удобней. – Расположившись, как я и говорил, возле стены, бородач откинулся на неё расслабленно и, положив руки на колени, снова не в тему заговорил: – И если можно, то последняя просьба. Можешь, конечно, пристрелить меня или просто в ногу шмальнуть за неё, но курить хочется просто жуть как.

Договорил и замер, смотрит на меня в ожидании ответа. Как и Старт, товарищ его постоянно трясующийся, дрожать перестал и на меня уставился.

Я же после его просьбы понял, что курить и мне хочется, хоть я и некурящий. Батя в детстве не ремня всыпал – лозиной отходил, когда меня с сигаретой застукал. Он сам не курил и мне охоту к этому делу хорошенько так отбил. Но курить не курю, просто иногда, как выпью, баловался. Ну, так и батя так же делал, пусть и очень редко. Сейчас же, хоть я и не пил (если не считать наркоту, глоток которой сделал) – в голове ещё та каша была после всего произошедшего и рассказанного, и это дело просто невероятно хотелось закурить.

Так что возражать я не стал, дал добро и на эту просьбу:

– Закуривай! И со мной сигаретой поделись.

– Вот спасибо, – аж подпрыгнул бородач, так обрадовался.

Но тут же взял себя в руки и медленно, очень медленно потянулся к под сумку, открыл его и действительно достал пачку сигарет. Открыл её и достал три штуки, при этом вопросительно смотря на меня, после моего подтверждающего кивка, пачку сигарет уронил на пол, полез в

подсумок за зажигалкой. Первую прикуренную сигарету бородач отдал Старту – тот её сразу же в губы сунул и поспешил руки снова на колени положить – вторую же щелчком отправил мне.
– Лови, парень!

В ответ он словил очередь из автомата...

Глава 8

– Не стреляй! Не стреляй! – сползая спиной на пол и держа при этом руки вверх, завывал Старт.

– Вот же тварь! – проведя рукой сбоку по голове и глянув на неё, я убедился, что кровит прилично. – Зацепил всё же, паскуда.

– Не стреляй! У-у-у! – продолжал завывать Старт, только теперь уже не только от страха, но и от боли: сигарета изо рта выпала на грудь и, пропалив футболку, до шкуры добралась, отчего на балконе ещё и палёным завоняло.

– Ур-рлр! – вторили ему зомбаки, столпившиеся с той стороны решётчатого забора.

За время разговора подтянулись и, видимо, щедро разлитую у нас тут кровь и свежеподжаренного Старта чувствуют, из-за чего с ума и сходят. Кинув взгляд в сторону зомби, я убедился, что внутрь они пробраться не смогут – решётка на совесть сделана.

– Не стреляй! – истерил Старт.

– Ур-рлр! – зомби его активно поддерживали и, похоже, успокаиваться не собирались.

Я сплюнул на пол горькую слюну, которой во рту приличное количество собралось, и заорал:

– Достали! – после чего, стараясь успокоиться, обратился конкретно к Старту уже более спокойным, но всё ещё срывающимся на рык голосом: – Заткнись! И скинь уже с себя эту чёртову сигарету, задолбал вонять! – Но как только парень её откинул в сторону, я не выдержал и снова заорал: – Что это было? Я тебя спрашиваю, что это, мать твою, было? Вы что, тоже фабричные и суперспособностями обладаете? Отвечай, тварь!

Я, конечно, понимал, что бородач пытался мне зубы заговорить, просто позволял ему это делать и держался настороже. Особенно напрягся, когда просьба насчет закурить последовала – очень уж он искренним и расслабленным выглядел. Зато Старт, после слов о сигаретах, хоть трястись и перестал, зато такими глазами на меня уставился, что и идиот бы подляну заподозрил. Видимо, и тот это понял, потому и сигарету в зубы ему первому сунул. Ну а потом, шелчком отправив следующую мне, руку после этого не опустил. И вслед за сигаретой, обгоняя её, с этой руки мне в лоб полетели с приличной скоростью два шарика от подшипника. Разного я ожидал, но вот это оказалось полной неожиданностью для меня, по-другому и не скажешь. Только чудом я смог увернуться, хоть и не до конца. Первый шарик всё же меня зацепил, когда я рефлекторно головой в сторону дёрнул, второй уже мимо пролетел, так как я на месте не оставался, на колено упал.

Как только до меня дошло, что они тоже суперы, дальше я и не раздумывал – сначала бородачу очередь в грудь вогнал, а после и раненых без всяких сомнений добил: хоть Длинный и лежал смиренно, но вот Чекан снова попытался подняться. Не знаю, как только удержался и Старта вслед за ними не отправил. Наверное, истеричные вопли его спасли.

Только вот как спасли, так и погубить могут. Не знаю, как он меня насчёт сигареты услышал, но сейчас глаза у него были безумные, и он только одно и твердил, чтоб я не стрелял в него – не слыша моих вопросов.

Перехватив автомат в одну руку, я сделал шаг вперёд и с размаху ему пощёчину отвесил.

– Заткнись, я тебе сказал! На вопросы ответишь – живой останешься.

В этот раз он услышал и причитать действительно прекратил, смотря на меня испуганными глазами и продолжая трястись как не знаю кто. И ведь взрослый уже мужик, но глядя на его поведение, ничего, кроме чувства брезгливости, не испытываешь.

– Я тебе вопрос задал, – заговорил я с ним после того, как отошёл назад и снова на прицел его взял. А то мало ли что он с испугу выкинет. – Отвечай!

– К-какой вопрос?

– Вы действительно фабричные и тоже суперспособностями обладаете?

– М-мы не фабричные, – замотал он головой, услышав только первую часть вопроса. – Мы с... с фермы!

– Тут, помимо фабрики, ещё и ферма есть? – удивился я неслабо. – Стоп! – тряхнул головой, окончательно успокаиваясь и приводя мысли в порядок. – Ты хочешь сказать, что есть не фабрика, а ферма, где суперов выращивают?

– Нет, – снова затряс он головой. – М-мясо выращивают.

– Какое, на хрен, мясо? – снова взорвался я. – Вот это что такое? – указал я на деревянный столб, поддерживающий крышу балкона, куда шарик подшипника и попали, уйдя на приличную глубину. – Что это, я тебя спрашиваю?

– Это Норман, он телекинетик... – И бросив на тело испуганный взгляд, Старт добавил: – Был!

– Так я тебя об этом и спрашиваю: на какой грёбаной фабрике вас выращивали?

– Н-нас не выращивали, – снова затряс он головой. – Оно само.

Я понял, что сейчас чокнусь и от его долбанных ответов, и от так и не уgomонившихся и продолжающих завывать зомбаков, и от всей этой ситуации в целом. Снова пришлось глубокие вдохи-выдохи делать, чтоб крышей не поехать и хоть немного успокоиться.

– Вставай и скидывай с себя всё лишнее! – скомандовал ему, как только отдышался.

– Что? – его голос дал петуха. – В-вообще всё?

– Ур-рлр! – и зомбаки заинтересовались, особенно громко заурчали.

– Мать, за что мне всё это? – вскинул я на миг глаза к потолку, но тут же перевёл их обратно на Старта этого придурочного. – Снимай с себя пояс-патронташ, разгрузку, нож с пояса! Всё это делаешь о-очень медленно. Ты даже не представляешь, как мне тебя пристрелить хочется, так что постарайся не давать мне повода.

– П-понял! – не переставая безостановочно кивать и не сводя с меня взгляда, он действительно очень медленно поднялся и принялся разоблачаться. Я его не торопил, пристально отслеживая каждое движение, чем неслабо так нервировал. Зато глупостей делать Старт не стал. – Что ещё?

Устался он на меня вопросительно, замерев на месте, так как всё мной перечисленное уже на полу лежало.

Я осмотрел его худощавую среднего роста фигуру и ни за что не зацепился взглядом. Ботинки плотно зашнурованы, штаны камуфляжные...

– По карманам себя похлопай! – нашёл я к чему придраться. И после того, как он их охлопал, я скомандовал: – Доставай, что там есть.

На пол сигареты с зажигалкой упали; тряпка, бывшая когда-то носовым платком; какая-то хрень непонятная, но, видимо, нужная ему; и всё, в карманах штанов больше ничего не обнаружилось. На прожжённой сигаретой футболке ничего не спрячешь, так что ничего опасного на нём точно не осталось.

– Всё, н-ничего б-больше н-нет, – подтвердил он то, что я и так уже увидел.

– Потопали отсюда, – кивнул я ему на дверь в дом. – А то от вони уже воротит!

Пролитая здесь кровь действительно не очень приятные ароматы испускала, да и мухи начали активно слетаться, ползая по телам убитых мной людей, что настроения совсем не добавляло. Но больше всего меня завывание зомбаков достало: их на улице уже немалая такая толпа собралась, певцов долбанутых.

Старт снова и без моего напоминания задрал руки кверху и бочком, бочком прошёл мимо меня вдоль перил балкона, после чего потопал к указанной двери в дом. Я же, прежде чем последовать следом за ним, наклонился и подхватил с пола флягу Нормана, из которой он поил Чекана и Длинного – в ней, по его словам, живец должен плескаться.

Открутив шустро крышку, я и с огромным удовольствием втянул в себя запах содержимого, выдохнув только одно слово:

– Она!

Да, в подобранной фляге была наркота. И пусть пахла она не так, как моя первая, и уж точно не так, как помои, сейчас плескавшиеся в моей фляжке, но узнал я её сразу и безошибочно, отчего настроение стремительно поползло вверх.

«Ещё поживём», – устремил я хищный взгляд в спину Старта.

Надежда вспыхнула сразу после того, как я окончательно осознал, что охотники тоже суперами оказались. А где суперы, там и наркота должна быть. Не ошибся я – живцом они именно её и называют. И надеюсь, очень-очень сильно надеюсь, что Старт знает, как и из чего её готовить.

С балкона мы попали в комнату с огромной кроватью, занимающую вместе со шкафом почти всю её площадь, так что я направил Старта дальше в дом: заодно и подальше от зомби будем. В несколько шагов преодолев коридор с окном и фикусом в кадке возле него в одной стороне и лестницей на первый этаж в другой, мы вошли в другую, более просторную комнату.

– Это что такое? – замер я ошеломлённо на пороге, глядя на натюрморт на столе в центре комнаты и на обнажённые натуры по углам. – Мужик, а вы не уху ели тут случайно? Развязывай давай!

– Ты чего, парень? Ты чего? – вытаращил Старт глаза и даже руки опустил, замахав перед собой ими, пытаясь успокоить не на шутку разозлившегося меня. – Это же пустыши, не иммунные. Недавно обращённые! Такие же, что и за забором сейчас толпятся.

– Что? – я снова перевёл взгляд на... кхм. По центру комнаты возле дивана стоял заставленный разными яствами и выпивкой стол, а по углам – как-то так хитро связанные три... И снова – кхм. Женщины в коленно-локтевой позе. – Вы что, зомбачек того... – с трудом оторвав взгляд от них, я перевёл его на Старта. – Ну, вы и извращенцы!

– Много ты понимаешь, – в первый раз с момента нашей встречи он огрызнулся, но я, до сих пор шокированный, как-то не обратил на это внимания. – Баб мало, на всех не хватает, а свежие обращённые ничем от простых иммунных не отличаются, разве что непривередливые. Раком поставишь – так вообще разницы не заметишь.

Разницы я действительно не заметил: стоят, сверкают белоснежными ягодицами, открыв доступ к задним вратам.

– И они не зомби, ты не думай, – видимо, задели его мои слова, что он даже трястись от страха перестал, продолжая оправдываться, – они живые: сердце бьётся, кровь по венам бежит, тёплые. И они, в отличие от фильмовских зомби, не заразные! На конец никакой заразы не намотаешь, да и если грызает, то не заразишься.

– За конец? – хмыкнул я, отойдя от первого шока.

– Не, – усмехнулся и он, сбавляя обороты. – В рот им совать дурных нет, у них на этот счёт рефлекс чёткие: есть мясо – значит, сразу жрать его надо.

– Понятно! – протянул я, заходя сбоку, чтоб в лицо женщинам заглянуть. А то мало ли что он там мне втирает. Но спереди их уже с нормальными не спутаешь, стоит только в эти бездушные жуткие глаза заглянуть, как сразу становится понятно – действительно зомби. – Пошли отсюда, – кивнул я ему на выход, а то женщины, хоть и зомбачки, услышав наши голоса, так извиваться стали, что отвлекать начали. – В другой комнате поговорим.

– Парень, не убивай меня, а? – не сдвинулся он с места. – Я тебе всё расскажу, только не убивай.

– Дурить не будешь – не убью! – Я буквально со скрипом шеи оторвал взгляд от выписывающей восьмёрки ближайшей и особенно симпатичной задницы, повернул голову к Старту. – Зовут-то тебя как, и кто вы вообще такие?

– Стартом и зовут, – пожал он плечами. – В этом мире у мужчин у всех такие имена. Наши земные тут не приживаются: мрут мужики, если имя менять не хотят. Только бабам послабление, хотят – меняют, не хотят – со старыми своими ходят, им без разницы.

Как только он про баб сказал, я поймал себя на том, что мой взгляд снова в их сторону вильнул.

– Пошли отсюда! – повторно кивнул я на выход.

Мы прошли в комнату, расположенную возле лестницы вниз, там я усадил Старта в глубокое кресло – оттуда, если что, трудно резко вскочить будет. Сам же сначала подошёл к зеркалу и голову свою осмотрел. Рана – царапина, шарик больше оглушил, чем шкуру попортил.

Сгруппировавшись, нужно было не в голову, а в грудь первый запускать, от второго я бы тогда точно не увернулся, куда бы тот ни летел. Я вспомнил, на какую глубину те шарики в столб вошли, и представил, как бы они в грудку мне влетели. Передёрнул плечами, так как только сейчас до меня окончательно дошло – по краю прошёл. Попади первый в грудь, вторым бы меня мужик спокойно и добил или в плен бы взял и «броненосцам» продал. Но сгруппировавшись, мне на радость.

Почему-то эти шарики меня проняли сильнее, чем выстрелы из оружия практически в упор, от которых тоже уклоняться пришлось. Но нет, их я воспринял как само собой разумеющееся, без всяких переживаний.

Убедившись, что кровь уже течёт прекратила, я отметил, что штотки снова менять придётся, куртку уж точно. После чего сел на диван и спросил у замершего и не сводящего с меня взгляда Старта:

– Ты сказал – «в этом мире»? Так что, бородач тот, как его... Норман, не врал? Мы действительно в другом мире?

– Не врал! – мотнул он головой. – Всё, как он рассказывал, так и есть. Мы действительно, попадая в туман – его, кстати, кисляком называют, – вместе с местностью переносимся в Улей. Кому везёт – он иммунным оказывается, но большинство, – кивнул Старт на стену, за которой зомбачки остались, – в таких вот обращаются. По поведению так натуральные зомби, ничего другого, кроме как жрать, не хотят. А как пожрут, так изменяться начинают. Те, что за забором – они простые пустыши, медленные и тупые. Но как отожрут, так внешне изменяться начинают, в таких монстров мутируют... – Тряхануло его, видимо, от не очень приятных воспоминаний.

– Здоровенные – качки от зависти вешаются, с серо-синей кожей, страшной рожой и огромной челюстью, полной здоровенных зубов, – принялся я описывать вспомнившегося в этот момент Пургена. – Лапы – что столбы по толщине, на которых когти приличных размеров отросли. В таких?

– Это ты с лотерейщиком повстречался, – усмехнулся он невесело. – Поверь, не самый страшный монстр, есть тут и пострашней, и намного опасней.

И так он это сказал, с такой безнадёжностью в голосе, что я поверил. Поверил и проникся: холодные мурашки стройными рядами по телу пошли гулять. Передёрнув плечами, я хотел уточнить, что это за лотерейщик такой, и какие ещё монстры бывают, но, с трудом отогнав мысли о них, взял лежащую рядом флягу и, показывая её парню, спросил о самом для меня сейчас важном:

– Скажи, Старт, вот это что такое?

– Живец, – без запинки ответил он, мимолётно кинув на флягу взгляд.

Но такой ответ меня не устраивал.

– Я понял, что это живец! Я спрашиваю – что это такое?

Старт сначала недоумённо на меня посмотрел, а потом, видимо, до него дошло.

– А, ты в этом смысле! – протянул он, усмехнувшись. – Как мне когда-то рассказывали, попадая в Улей, мы все заражаемся спорами гриба, ну или вирусом, если по-простому. Боль-

шинство людей не могут с ним справиться и обращаются в монстров, ну а те, кто могут – их иммунными называют, – живут с этими спорами в симбиозе. Они наш организм наделяют сумасшедшей регенерацией. Такой, что люди, неизлечимо больные на Земле, парализованные после аварий, лишённые конечностей или других каких органов, попадая сюда – излечиваются. И не просто излечиваются: благодаря симбиозу мы перестаём стареть, а старые – снова молодуют.

Я слушал его рассказ, как сказку, и не перебивал, заваливая его вопросами, только потому, что всё им рассказанное испытал на собственной шкуре. Ну, кроме старости; так что говорил он, видимо, правду, постепенно приближаясь к самому главному.

– Но спорам для всего этого нужен хавчик, а наш организм все нужные элементы для них не выделяет. И именно поэтому нам нужно постоянно пить этот живчик, питая их этими самыми недостающими элементами.

– То есть нас не специально на эту гадость подсаживают? – видя, что он замолчал, заговорил я. – Попадая в этот мир, мы заражается и если не хотим сдохнуть, то должны всю жизнь хлебать это пойло, так как это еда для спор?

– Именно так всё и есть! – кивнул он. – Споры, помимо регенерации, делают нас сильнее, быстрее...

– Наделяют сверхестественными способностями, – закончил я за него. – Это я всё понял, и мы ещё поговорим об этом. Но ты так и не сказал, что такое этот живчик?

– Главный ингредиент живца – споран! – сказав это, он с каким-то непонятным интересом уставился на меня, после чего добавил: – Добывают его из спорового мешка, растущего на затылке у обращённых.

Я сначала тупо смотрел на него, не совсем поняв, что он сказал, но когда осознал, то с трудом сумел сдержать тошноту, подступившую к горлу. Это было настолько мерзко и неправдоподобно, что я ему поверил. Сразу поверил, так как невозможно такую гадость специально придумать. Только благодаря «помоям» в моей фляге не блеванул: бороться с такими позывами я уже давно научился. Ну и Старт, про которого я не забывал: дай ему возможность – он меня прикончит. А самая лучшая для этого возможность – это если я согнусь и начну блевать.

Так что я, не сводя с него взгляда, сглотнул вставший в горле ком, и ставшим вдруг хриплым голосом уточнил:

– И как он выглядит, этот споран? И самое главное – как из него живец готовят?

Наверное, Старту доставляло удовольствие хоть так на мне отыграться, раз нет возможности физически разобраться. Он и начал во всех подробностях рассказывать, как споран добывать и как готовить:

– Люди, которым не повезло, теряют память... Да и не только память, они вообще всё человеческое теряют и становятся как в фильмах, зомбями или упырями там. Хотят только жрать. И больше всего их привлекаем в качестве еды именно мы, иммунные. Отведав нашего мяса, они быстрее развиваются, чем если друг друга жрут. И как только начинают развиваться, у них на затылке сразу же такой нарост вырастает, похож на половинку чесночной головки, только больших размеров. Это и есть споровый мешок. Когда завалишь такого обращённого, то, вскрыв этот нарост, увидишь, что внутри там тёмно-серой, почти чёрной паутиной всё заполнено. Вот в ней, в этой паутине, спораны и нужно искать. Они на серые виноградинки похожи.

У меня снова комок к горлу подкатил, пока он рассказывал, как из этого спорана живец готовить. Растворить его в водке или спирте, процедить от ядовитого осадка и смешать с полулитром воды, добавив ароматизаторы по вкусу. Ну и пить по мере надобности.

Переборов в очередной раз тошноту, я подвёл итог услышанному:

– То есть вы, вскрыв грибницу, достаёте оттуда эти грибы-спораны и, забодяжив из них наркоту, называете её живцом?

– Ну да, – равнодушно пожал плечами Старт. – Жить без него иммунные не могут, подымают в страшных мучениях, потому и живец.

Вспомнив свои мучения, бывшие действительно страшными, я передёрнулся, а тошнота сама собой отступила уже окончательно.

После всего сказанного ненадолго повисла пауза: Старт ответил на мой вопрос и, видя, что я молчу, задумавшись, не решался заговорить. Я же... Что ж, самое главное я узнал, и теперь не придётся ни с крыши прыгать, ни стреляться. Если Старт сказал правду, то никаких проблем с наркотой я испытывать не буду, а значит, проживу явно дольше, чем планировал, срываясь в побег. Только напрягало то, из чего эту наркоту готовят, а главное – как эти грёбанные спораны добывают. Но с этим, я думаю, разберусь. Особенно когда ломка начнётся, так точно разберусь... Или со мной разберутся.

– Почему лотерейщик? – прервал я молчание вопросом. Хотелось бы побольше знать о таких Пургенах, если они здесь во множестве водятся.

Старт даже обрадовался, что я снова заговорил. А то, пока молчали, у него, смотрю, снова руки дрожать начали. Но после моего вопроса он встрепенулся и сразу же заговорил:

– Ну, так, простых, недавно обращённых, мы называем медляками или пустышами, у них даже если споровый мешок и вырос, то он всегда пустой, без споранов. Как отожрут, так они уже более шустрými становятся – таких бегунами или спидерами называют. Они и внешне уже начинают понемногу изменяться, ну и бегают действительно быстро. Потом вот эти лотерейщики идут, их ещё жрачами называют, они уже прилично так от людей отличаются: более массивными становятся, челюсти вытягиваются, зубы более крупные, когти на руках отрастают... Их, как увидишь, не перепутаешь.

– Жрач – это понятно! С такой пастью только так их и называть, – перебил я его, а то хоть он и интересно рассказывает, но начал явно издалека. – Но почему лотерейщик?

– Потому что в споровом мешке у него уже не только спораны найти можно, но и горох иногда попадает. Но его найти – это как в лотерею выиграть. Хоть в неё выиграть шансов, наверное, всё же больше. Редко у жрачей горох попадает, потому и лотерейщиками их ещё называют.

– Стоп! Что ещё за горох? Вы что, не только спораны, но и ещё что-то из обращённых добываете?

– Ну да, – закивал он с каким-то энтузиазмом. – Горох и жемчуг ещё добываем!

Видимо, недавняя пауза и мой расфокусированный от погруженности в собственные мысли взгляд его прилично так нервировали, что теперь он рад говорить безостановочно. Отсюда, наверное, и его заходы издалека в объяснениях, только бы мои расспросы не закончились. Бойтся, что я передумаю и всё же завалю его, как и всех остальных.

– Так-так-так! – протянул я заинтересованно. – Давай поподробней: что оно такое, как выглядит и для чего нужно?

– Ну, если подробней, тогда так: если спораны нам нужны для жизни, чтоб спорового голодания не было, то...

Опять издалека начал! Сто пудов, боится окончания нашей беседы! Но если всё этими охотниками рассказанное правда – а всё именно так и выглядит – то оно и хорошо. Пусть от «броненосцев» я недалеко убежал, и они в любой момент могут сюда нагрянуть – но сейчас нужно пользоваться моментом и вытягивать из Старта как можно больше. А нагрянут, так без ошейника пусть попробуют меня ещё поймать!

Приняв решение не особо торопиться, я решил поддержать Старта в его стремлениях и расспрашивать обо всём интересном более подробно. Поэтому и перебил его, уточняя:

– Споровое голодание – это ломку так называют?

– Ну да, если живец не пить, то ломка, как у наркомана, начинается. Можно просто содохнуть, можно обращённым стать, а можно мозги сохранить, но в урода превратиться, стать внешне похожим на обращённого.

– Жесть! – выдохнул я потрясённо.

Вот это я мог встрять тогда, когда решил с сушняком бороться. Радует, что уродом не стал.

Радовался я, правда, недолго.

– Ну да, – согласился со мной Старт, пока я мысленно сокрушался. А потом он взял и радость мою обнулил, добавив к уже сказанному: – Квазы – они не только уроды, но ещё и психи полные, мозги у них прилично так протекают.

Вот после этих слов я капитально так на измену присел. Уродом я не стал, но что с головой у меня непорядок, я давно заметил. Кваз – это, похоже, Квазимодо, то есть урод. И я, получается, не внешне, а внутренним квазимордой стал. Твою же мать!

– И как они лечатся? – спросил я, затаив дыхание.

– А никак, – теперь даже в минус моё настроение загнал Страт. – Если не повезло квазом стать, то это уже навсегда.

– Понятно, кхм! – Горло пересохло, как будто я неделю воды не пил.

Сняв с пояса флягу с настоящей живой водой, а не то, что здесь под ней подразумевают, я от души так присосался к горлышку. И заряженная «целителем» вода помогла, смыв живительным потоком ещё и поганые мысли.

Внешне уродом я не стал – и хорошо. А то, что крыша протекает, так с этим можно бороться. Главное, обдумать всё хорошенько, прежде чем начинать что-то делать, и будет всё в порядке.

Оторвавшись от фляги, я заметил, как Старт жадно сглотнул – видимо, от болтовни тоже глотка пересохла, но попить попросить он не решился.

– Пей! – кинул я ему флягу.

Упрямится он не стал, тут же к ней присосался, отчего я поморщился – нужно было в кружку какую воды ему налить. Старт, напившись, с удивлением прислушался к себе, понюхал содержимое фляги и, вскинув на меня изумлённые глаза, хотел что-то спросить, но и в этот раз не решился.

А у меня ещё недавнее желание вытащить из него как можно больше информации испарилось без остатка. Так что, поймав флягу обратно, я ему кивнул:

– Давай теперь о горохе рассказывай! Только без всяких там левых заходов, кратко и по существу.

– Ну... – завилял он глазами и снова тремор рук поймал.

– Без «ну»! Кратно и по существу! Как он выглядит и для чего нужен?

– Ну... – испуганно посмотрел на меня, и у него уже не только руки, но самого потряхивать стало.

– Так, Старт, успокойся! Я тебе уже сказал, что убивать не буду! Просто расскажи мне всё, и я уйду. – Глядя на поведение этого уже взрослого мужика, я всё больше и больше к нему чувства отвращения, брезгливости и гадливости одновременно испытывал. Кинул ему флягу обратно – пить из неё я уже точно не смогу – и, стараясь не напугать ещё больше, а поэтому спокойным голосом сказал: – Глотни ещё воды, успокойся и начинай рассказывать. И флягу у себя оставь, подарок мой тебе за информацию.

– Горох, он на горох и похож, – глотнув воды, начал он рассказывать, хоть трястись и не перестал. Вернее, руки у него ещё тряслись. – Твёрдые шарики такие, размером с крупную горошину, похожи на спрессованный сахарок.

– Для чего он нужен? – Я решил его вопросами расшевелить, чтоб он в дебри не углублялся.

– Люди, попадая в Улей, через некоторое время сверхъестественную способность у себя пробуждают. Вот горохом хорошо развивать эти способности.

– То есть эти способности пробуждаются у всех, кто сюда проваливается? Это не редкость?

– У всех! – кивнул он. – Такой вот дар Уля.

– И какой у тебя дар? – спросил я и автомат поправил, взяв его более удобно.

– Й-йя б-бегаю б-быстро! – не нужно было автоматом шевелить, теперь Старт не только трясся, но и снова заикаться начал. – «С-стартуй, д-давай!» – именно т-так м-меня Шило и отправлял упырей вым-манивать.

– В каком смысле? Ты воды, воды глотни ещё и успокойся, а потом рассказывай.

Старт послушался, глотнул ещё воды, вернее, допил последнюю, после чего заговорил уже не заикаясь, только каким-то совсем потухшим голосом:

– Мы кластеры зачищаем, вот такие вот посёлки, – кивнул он в сторону окна, – чтоб в них твари не плодились. Обычно сразу после перезагрузки в таком же, как этот, доме обустроиваемся и, дождавшись, когда жители начинают обращаться, берёмся их отстреливать. Медляки тупые, они обычно сами на выстрелы подтягиваются. Бывает, и иммунные на стрельбу выходят, и мы их... спасаем и в стаб наш отвозим. Но вот когда твари заканчиваются и больше не выходят, то Шило меня пробежаться по посёлку отправляет. Если упыри есть, то я их за собой к дому привожу, и их снова отстреливают. Если же какой матёрый попадётся, лотерейщик там или топгун, то... У меня дар: чем страшней монстр, тем быстрее я бежать могу. Без такого вот допинга не работает, – криво усмехнулся он. – Так что убегаю и тоже под выстрелы их подвожу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.